антифашистский МОТИВ

№11 (28)
2013

В номере:

Права Человека 2

«Разный антифашизм»

Интервью с музыкантами из группы «Seein Red» 4

Мои встречи с «Seein Red» 14

«Антифа Берн»:

Интервью с швейцарскими антифашистами 16

Ислам, антифашизм и предрассудки 20

«Дети Петербурга»: обучение детей иммигрантов

как антифашистская практика 28

Практика правовой помощи цыганам 31

Хроника

Пикет памяти Тимура 35

Антифашистский анализ

Польша устала от ультраправой риторики 37

Что именно желательно сделать со статьей 282 УК 42

Международная солидарность

Встречи солидарности Алеся Беляцкого:

Азимжон Аскаров 46

«Еду в Магадан» 54

Жаркое лето Памира 57

«Акын-опера» в московском Театре.doc 62

Письмо в номер

Антифашистская солидарность:

Нужно ли поддерживать «Чёрных ястребов»? 66

Кино-ревю

Фильм «Дети Гитлера» 69

Защита прав и свобод

Законы нашего времени 73

«Нашим детям — секс не нужен»? 78

Права Человека

Все любят Права Человека. Но далеко не все в этом признаются. Наоборот, многие похваляются тем, что права человека им нипочем, даже очень противны и отвратительны. Одни, мнящие себя левыми, поносят права как либеральную ценность (что либеральные ценности однозначно вредны рабочему классу — аксиома, это не только не требует доказательств, но и не может быть доказано, спор уместен только в вопросе — действительно ли «либеральные» или, может, все-таки не до конца либеральные). Другие, называемые частенько правыми, хотя сами, возможно, полагают себя как раз радикальными революционерами, — тоже против прав, потому что это, де, западная ценность, а что все западное вредно — тем более аксиома. Законники-государственники не признают прав человека, так как эта доктрина не может быть обеспечена в рамках национального законодательства, антигосударственники и противозаконники — потому, что им претят всякие формальные права и юридические процедуры.

Казалось бы, отрытая любовь к правам человека — удел унылых идеалистов-правозащитников, сотрудников международных организаций, тех, кто эти права придумывает и повсюду усматривает их нарушения. Но и эти люди порой стесняются такой наивной позиции — они горестно говорят (сама слышала!): «Права человека, увы, сугубо негативная философия, она лишь о том, как нельзя, а на вопрос о том, как же можно и нужно, ответа нет».

Все это ерунда. О своем неприятии прав человека моментально забывают и те, кто не признавал либеральных прав, и те, кто поносил западные идеи, — стоит только серьезно нарушить их собственные права. Например, если к такому человеку применят пытку. Думаете, он скажет: «Пытайте меня, я не стану привлекать внимание общественности к этому вопиющему нарушению, я ведь не признаю прав человека, я не слабосильный либерал, запрет на пытки меня не касается»? Нет, я такого еще не встречала, начнет еще как жаловаться! Ну, ладно, под пыткой, допустим, можно и под либерализм прогнуться, это как бы не считается. Но и гораздо меньшее зло вызывает в людях бурное желание защищать свои права.

Например, оскорбление. Стоит людям почувствовать себя оскорбленными, как они тут же хотят защиту закона, им подавай «права верующих», например. Какие же, товарищи верующие, вам права? Вы же против этих диавольских западных ценностей, против либеральности во всех ее серных проявлениях, против прав и свобод вообще — потому что не права и не свободы, а покаяние и прощение ведь!.. Нет, тут им изменяет и любовь к традиционности, и готовность прощать, и уж тем более — способность искать грехи в себе, а не в других. Тут им нужен закон о правах, причем именно об их правах.

Вот в этом-то все и дело, давайте честно признаемся: хочется не просто прав человека, хочется таких прав, какие нам нужны, а другие — лишнее. Если мы

считаем себя левыми, то есть социально-ориентированными, активистами, то хотим только социальных и экономических прав. Другие же права нам кажутся опасными, ибо есть мнение, что, манипулируя ими, правящие демократы-капиталисты сохраняют власть. Мало кто из этих радикальных социалистов находит в себе силы изучить, например, «Пакт о социальных, экономических и культурных правах», узнать, что этот документ ООН гарантирует именно такие права – право на достойную жизнь, право на работу, жилье, воду, сносное питание, на защиту от бедности, нищеты, болезней.

Думаете, хоть одно правительство в восторге от контроля за соблюдением этих прав? Думаете, на этих принципах можно «удерживать» или даже «навязывать» свою власть? Нет, эти принципы можно только декларировать, признавать правильными, защищать. Больше с ними ничего не сделаешь. И это, я вам скажу, не так уж мало.

Не так уж мало знать, чего делать нельзя. Не так уж просто это правильно понять, выразить, заявить. «Негативная философия» – это, на мой взгляд, все, что нам пока нужно. Дайте мне мир, в котором не будет убийств (в том числе смертной казни и войны), не будет пыток (в том числе в виде тюрем, каторг, армий), не будет рабства и жестокой экономической эксплуатации слабых сильными, не будет дискриминации разных людей (ни женщин, ни рас, ни детей, ни людей с физическими особенностями, ни ЛГБТ), не будет бездомности, холода, голода, невозможности лечиться или учиться, свободно ездить и менять место жительства. Дайте мне такой мир и — пожалуйста — пусть в нем будут все ваши «позитивные философии». Пусть в нем будут сторонники традиций и любители революций, пусть в нем горячо спорят социалисты и либералы, пусть одни там считают, что нужно все это оформить государственно, а другие — безгосударственно.

Права человека не говорят, как надо, всего лишь о том, как нельзя. Но эта система ограничений, если бы ее удалось сделать не только декларативной, но и действующей, дала бы возможность защитить человека от всех форм насилия. Может быть, вам нужно больше — мне бы хватило и этого.

Права человека обычно хают те, кто что-то о них слышал (хотя вряд ли толком попытался разобраться даже в основных документах). Мне нередко приходилось говорить с людьми, которые ничего ни о каких правах человека не знали. Потому ли что были далеки от всей этой культуры (часто вовсе безграмотны) или просто потому, что были еще маленькими детьми. Меня всегда поражало, что эти люди верят в то, что мы называем правами человека, очень хорошо понимают, что каждый человек — и прежде всего для каждого «я сам» или «я сама» — заслуживает жизни без насилия, унижения, притеснения или использования другими. Люди знали это испокон веков. Неважно, называли ли это гуманизмом, правом, правозащитным подходом, – люди всегда знали и знают, что все мы рождаемся «свободными и равными в правах и достоинстве», по крайней мере — каждый «я».

Гета Содман

Интервью с музыкантами из группы «Seein Red»

Для голландского хардкора-панка «Seein Red» — легендарная группа, которая за время своего существования (конца 1980-х) выпустила огромное количество записей. Их песни — нельзя сказать, чтобы красивые и мелодичные, а простые, короткие и с политическим содержанием — стали эталоном жанра для многих молодых групп, играющих фасткор. Всем участникам «Seein Red» уже за сорок, и они с гордостью называют себя панками и участниками глобального панк-коммьюнити. Это интервью было опубликовано в 2007 году в журнале «Give Me Back», но с тех пор, как кажется, не потеряло своей актуальности.

GMB: Вы начали играть панк-рок, когда были еще подростками, но до сих пор активно поддерживаете D.I.Y. принципы. Что заставляет вас оставаться активными по прошествии такого долгого времени и двигаться дальше? Почему именно панк?

Paul: Для нас всех «Seein Red», а до этого «Lärm» всегда была очень важной частью нашей жизни, которая связывает меня, Ёса и Олава на протяжении последних двадцати лет, и эта связь, определенно, поддерживает огонь, который горит внутри нас. Кроме того, нами движет горячая любовь к диайвайному панк-року. Эта музыка поразила наши умы и сердца еще в 1977 году, когда мы услышали ее впервые, и с тех пор эта любовь никуда не делась. Мы стояли у истоков DIY-культуры в Европе и видим сейчас, насколько далеко все это зашло. Постоянно появляются новые панк-группы, независимые лейблы, люди, которые делают отличные зины, снимают кино, пишут и сочиняют стихи. Все это вдохновляет нас, и мы гордимся тем, что являемся частью этого сообщества. Не то чтобы все эти 30 лет были целиком и полностью наполнены радостью и весельем, нет. У нас были свои взлеты и падения, кого-то мы любили, кого-то ненавидели, кто-то любил и ненавидел нас, но, оглядываясь назад, мы видим, что хорошего было больше. Для нас уже давно не стоит вопрос «оставаться в панке или нет», потому что он стал такой важной частью нас самих, что мы его ни на что не променяем. Кроме того, мы все еще чертовски злы, идеалистичны и упрямы. Уйти — значит сдаться, а сейчас, после событий 11-го сентября, когда половина мира живет и бредит «войной с терроризмом» и продолжает верить в ту чушь, которую скармливают им масс-медиа, у нас нет намерений сдаваться.

Jos: Я думаю, все потому, что панк стал неотъемлемой частью меня самого. Для меня это не просто фаза подросткового бунта, а то, во что я верю, и я решительно поддерживаю любые начинания в этой сфере. Конечно, за эти годы я изменился, вы можете назвать это «преодолением пути». Тем не менее, панк-культура для меня — очень большая ценность. Панк — это то, что сделало меня тем, кем я являюсь сейчас.

GMB: Изменились ли отношения между вашей группой и аудиторией за эти годы? Не скучно ли вам, когда вокруг одна молодежь? Вы все еще чувствуете связь с залом и его поддержку, когда играете?

Jos: Конечно, в большинстве случаев между нами и теми, кто нас слушает, значительная разница в возрасте, но, с другой стороны, возраст тут не самое важное. «Seein Red» — довольно прямолинейная группа. Мы пишем тексты, в которых есть только черное и белое, нет середины. Благодаря этому люди, по крайней мере, начинают обсуждать их и/или спорить с нами. Конечно, отношения между нами и публикой изменились. Как я уже сказал, я чувствую себя немного странно, когда играю в зале, где большинство пришедших младше

нас в несколько раз, и я точно не ощущаю никакой связи с теми, кто приходит на шоу, чтобы просто набухаться. К счастью, есть еще достаточное количество людей, которые приходят не просто так. В кругу таких людей я чувствую себя наиболее комфортно. Для меня шоу — это намного больше, чем пространство для общения. Панк не должен ограничиваться этим.

Paul: Я не думаю, что отношения сильно изменились. Может быть, это потому, что европейская панк-сцена сильно отличается от сцены в США, если говорить о разнице в возрасте. Здесь на концерты всегда приходили как старые, так и молодые панки. А может быть, мы просто уже так давно играем, что уже не замечаем особой разницы. В любом случае, если мы играем шоу, это не значит, что «дедушки играют для внуков». Многие подходят к нам после шоу не только сказать, как мы круто отыграли. Многие действительно заинтересованы тем, что «Seein Red» — политизированная группа. Совсем недавно Олав ездил в Амерсфурт, наш родной город, и там к нему подошел парень лет 17-ти и сказал: «О, ты барабанщик «Seein Red»! Я был на вашем шоу несколько недель назад, и после этого действительно начал задумываться о том, что вы говорили. Я думаю, что вы правы, когда говорите, что капиталисты уничтожают жизнь. С того момента я тоже гораздо критичнее стал относиться к капитализму». Ты понимаешь, наша музыка действительно меняет сознание людей!

GMB: Создается ощущение, что панк по большей части сосредоточен на силе и потенциале молодежи. Влияет ли это на то, как долго мы можем чувствовать себя своими в собственном сообществе?

Jos: Я бы не сказал, что молодежь более инициативна или в них больше потенциала, чем в таких, как мы. Дело не в возрасте, а в духе. Иногда я вижу двадцатилетних ребят, которые мыслят и действуют намного адекватнее, чем люди моего поколения. Я думаю, особенность панк-сообщества как раз в том, что тут всем должно быть место и все равны. Правда, как ни печально, даже в панк-сообществе есть свои стандарты и правила.

Paul: Здесь, в Европе, я вижу больше исключений из правил. По крайней мере, я могу опереться на свой опыт. Мне 46 лет, и я уже чертовски стар для панка, но есть

еще куча людей, кому за тридцать и за сорок, и они до сих пор активны в андеграунде. Панк никогда не заканчивался одной только музыкой, и множество старых панков выходит за рамки музыки и занимается массой других дел. Может быть вы не видите их на концертах, и вероятно, они не так уже увлечены музыкой, но это не значит, что их нет. А может быть, это естественный процесс, который поднимает людей на какой-то новый уровень. Лично я никогда не чувствовал себя отчужденным от панк-сообщества. Наоборот, в свои 46 я чувствую себя довольно непринужденно. Так что, скорее всего это зависит не от возраста, а от внутреннего мироощущения.

GMB: Количество записанных вами песен уже перевалило за пятьдесят. У вас когда-нибудь возникали проблемы с поиском тем, о которых вы хотели бы написать? Есть ли песни, которые уже неактуальны в наши дни?

Paul: У меня никогда не было подобных проблем. Как ни странно, сейчас я пишу намного больше текстов, чем когда-либо (за последние 3 месяца — 22 новые песни). Может быть, это потому, что мы живем в достаточно сложное время. Люди до сих пор живут событиями 11 сентября и не хотят включать мозги. Некоторые песни естественным образом уже неактуальны: когда мы начинали играть панк-рок, в разгаре была холодная война, это была эра Рейгана и Тэтчер, апартеида в Южной Африке и т.д. С другой стороны, когда в прошлом году мы сделали реюнион «Lärm», то увидели, что достаточно много старых песен до сих пор не потеряли своей значимости. Я хочу сказать, что, может быть, холодная война и закончена, но сегодня мы имеем дело с войной с терроризмом и кучей подобного дерьма. Кроме того, такие проблемы как расизм, сексизм, гомофобия, бедность, загрязнение окружающей среды, наемное рабство до сих пор никуда не делись. Пока мы не сможем избавиться от них внутри нашего сообщества, нам не стоит рассчитывать на то, что ситуация в мире изменится к лучшему.

GMB: Вам не кажется, что вы до сих пор кричите со сцены о тех же проблемах, о которых кричали 20 лет назад и что за все это время ни черта не изменилось?

Jos: В какой-то степени так и есть. Но за последние годы моя «борьба» перешла скорее на внутренний уровень. Сложный вопрос.

Paul: В твоих словах есть доля правды. Единственная разница между мной сегодня и мной двадцать лет назад в том, что тогда я был более наивным и все казалось намного проще, чем сейчас. Я действительно думал, что воздух пропитан революционным духом и что мы способны изменить мир очень быстро. Теперь, когда я стал старше, я стал понимать, что борьба за революционные изменения — очень долгий и сложный путь, который можно прой-

ти только будучи очень стойким и, прежде всего, ответственным человеком. Возьмем хотя бы пример коренного населения Америки или мигрантов в вашей собственной стране. Для того, чтобы что-то реально изменилось, требуется очень много времени. Но это не значит, что мы должны опускать руки. Надо чтобы эта борьба стала частью нас самих, даже если это означает, что нам придется бороться не один десяток лет. По крайней мере это лучше, чем просто взять и закрыть глаза на все происходящее вокруг нас.

GMB: Часто кажется, что люди в пределах хардкор-сообщества придерживаются тех политических взглядов, о которых говорят их любимые группы, просто потому, что им нравится музыка этих групп. Как думаете, какой путь лучше использовать, чтобы заставить людей задуматься над теми или иными проблемами?

Paul: Не думаю, что для этого есть какая-то определенная формула, но по крайней мере мы стараемся избегать говорить людям, что им нужно делать, а что нет. Мы скорее пытаемся озадачить человека и сделать так, чтобы он сам нашел ответы. Панк-шоу может быть хорошим инструментом для этого, но мировые проблемы не прекращаются у дверей места, где оно происходит. На самом деле, хардкор-панк сообщество — это тот же окружающий нас мир, только маленький. Тут действуют те же самые принципы решения вопросов с помощью силы и существуют свои репрессивные механизмы. Таким образом, мы стараемся как бы достать зеркало и сказать: смотрите, что происходит вокруг вас! Конечно, это не всегда работает но, по крайней мере, такие темы на концертах «Seein Red» прокатывают не хуже других и всегда вызывают реакцию аудитории, неважно, положительную или отрицательную. После наших концертов всегда существует какая-то дискуссия, поэтому я думаю, что мы не оставляем людей без пищи для размышления.

GMB: За последние 30 лет панк пережил многочисленные изменения — музыки, стиля одежды и других сфер. В какую сторону панк будет развиваться дальше?

Paul: В основном, все развивается циклично. В 1975-1978 гг. панк-движение было олицетворением новых идей, и все это привело к тому, что возник хардкор. С ним пришел новый стиль музыки, одежды и какие-то другие компоненты. В принципе, после этого все новшества были связаны по большей части с изменением скорости музыки или скрещиванием с другими стилями (например, с металлом, инди-роком, джазом, хип-хопом и т.д.). Я не знаю что еще оригинального можно придумать сейчас, когда панк-культура существует вот уже 30 лет. Меня не перестают удивлять те группы, которые до сих пор появляются и продолжают вытаскивать хардкор-панк на новые уровни. Но, несмотря на то, что я сейчас сказал, я все-таки продолжаю фанатеть от простого,

быстрого, сырого и энергичного хардкора. И, глядя на себя со стороны, могу сказать, что большая часть из того что я писал для «Lärm» и сейчас пишу для «Seein Red», — это смесь влияний и риффов, которые я краду у моих любимых групп... Так что я не очень-то оригинален.

Jos: Изменения наверняка происходили циклично, благодаря чему, в какой-то мере, все стало более профессиональным. На днях я переслушивал свои старые записи, и многое из того, что я играл тогда, некоторые могут расценить как нечто второсортное, потому что мой уровень действительно был невысок. Но для меня качество никогда не играло большой роли. Главное — энергетика!

GMB: Вы говорили, что пишете простые и прямолинейные тексты, чтобы они были понятны для всех. Считаете ли вы, что в современном хардкор-панке существует тенденция специально писать тупые тексты, чтобы скрыть отсутствие умения писать что-то вменяемое?

Jos: Я ненавижу группы, у которых песни раз в десять длиннее, чем объяснения к ним. Мы говорили об этом с Олавом, и он сказал, что таким группам нужно петь о цветах и бабочках, или типа того. Я не могу не согласиться с ним.

Paul: Ну не знаю, тенденция это, или они делают это нарочно. Может быть, у них тупая жизнь и оттого они пишут такие тексты, кто знает? Это правда, что есть панк-группы, которые вообще не умеют говорить, несмотря на то, что сейчас столько всего происходит. Новая запись Брюса Спрингстина будет, вероятно, намного полезнее, чем записи некоторых современных панк-групп. Но опять же, я в основном слушаю группы, которым действительно есть что сказать: «Bullets in», «The Now Denial», «Please Inform The Capitan», «This is A Hijack», «F.O.P.», «Sin Dios», «Los Crudos», «Torches To Rome», «Born Against», «The Movement», «Sin Orden», «Tragedy» и т.д., поэтому я мало что могу сказать о группах, про которые ты спросил. Хотя сейчас я с удовольствием послушал бы какой-нибудь гаражный панк, сырой и энергичный, типа «The Rip Offs», «The Zodiac Killers», «Kill-a-watts», «The Dirty Sweets», «The Flip Tops», ну или «Ramones». То есть неполитизированные группы тоже бывают вполне хороши, и я люблю их, но группе «Seein Red» действительно есть что сказать, и мы будем продолжать играть простой, прямолинейный и политизированный хардкор.

GMB: Уничтожение власти корпораций — достаточно частая тема в ваших песнях. Как вы думаете, есть ли определенные корпорации, от которых исходит большая угроза, нежели от других?

Paul: Я думаю, что все корпорации представляют собой угрозу так или иначе, потому что сейчас мы видим, как капитал больших корпораций сливается с банковским и финансовым капиталом. Все это в совокупности используется

корпорациями, чтобы получить безграничное господство в мире. Они определяют направления нашей экономической системы и могут руководить государственным аппаратом. Они могут заставить целые нации принимать политические решения, которые будут выгодны только им. Поэтому я считаю неверным обращать внимание на какие-то конкретные корпорации и думать, что среди них есть менее опасные. В конце концов, для них собственность и прибыль намного важнее, чем жизни людей. Из-за желания наживы и власти корпорации распространяют свое влияние по всему миру в поисках более дешевого сырья, более дешевой рабочей силы и хорошего инвестиционного климата. Одним из результатов их жадности становится соревнование в отправлении Земли в ад. Это привело планету к непрекращающимся войнам и эксплуатации окружающей среды, которая сейчас, в большей степени, чем когда-либо, ведет к глобальной природной катастрофе. Эти же самые корпорации манипулируют общественным мнением с помощью современных СМИ и массовой культуры и используют «демократию» чтобы замаскировать свою диктатуру. Они финансируют партии правящего класса и используют их, чтобы обманывать людей. Вообще, основной их целью является полная дезориентация, дезорганизация и деморализация человечества и защита капитализма от любой социальной альтернативы. С каждым разом они все туже и туже затягивают петлю на наших глотках, развязывая таким образом свои руки, продолжая утешать нас рассказами о преимуществах «свободного рынка», но реальность такова, что их политика становится причиной еще больших страданий, нарушений прав человека, безработицы, растущего неравенства и т.д. Многие политические стратегии и программы, которые были когда-то разработаны для применения во время экстремальной ситуации — глобального кризиса, теперь используются как само собой разумеющееся. Полицейское государство и все его репрессивные правила и порядки все больше замещают демократию. Все это — прямые или косвенные угрозы нашей личной свободе, и в еще большей степени для всех людей, которые суперэксплуатируются этой системой, например, иммигранты, беженцы и «нелегалы». Давайте не будем забывать о людях в «третьем мире», которые, черт возьми, каждый день умирают от голода из-за политики этих убийственных корпораций.

GMB: На вашем альбоме «Workspiel» есть песня со словами «Совсем недавно я ударил богатого парня по роже. Не знаю почему я это сделал, но я почувствовал себя хорошо». Это реальная история?

Paul: Нет, это что-то вроде собирательного образа того, как люди из высших классов относятся к рабочему классу. Чтобы было понятнее, я приведу пример: однажды я поехал в Амстердам в вагоне второго класса, и, так как в вагоне первого класса было полно места, я пошел туда и сидел там. Через некоторое время ко мне подошел очень хорошо одетый человек и, осмотрев меня с ног до головы, сказал: «Молодой человек, вы знаете, что это вагон первого класса?» Я был одет, как панк, и это не могло не привлечь его внимания. Когда я работал

мусорщиком в богатых районах, я чувствовал отвращение, с которым ко мне относились люди, живущие там. Они смотрели на меня, как на прокаженного. Это одна из главных причин написания этой песни. Я рос в рабочей среде, и у меня есть опыт различения классов, поэтому я смотрю правде в глаза: я наемный раб, который каждый день вынужден продавать свою рабочую силу толстозадым работодателям, чтобы выжить в этом капиталистическом мире. «Seein Red» стал для меня выходом, который, вероятно, удерживает меня от реального причинения вреда.

GMB: Сейчас везде устанавливаются камеры наблюдения, в США в паспорта вставляют специальные чипы. Я также знаю, что в Голландии вы обязаны постоянно носить с собой ID-карточку и предъявлять ее по первому требованию. Как усиление авторитарных методов управления повлияло на вашу повседневную жизнь?

Paul: ID-карты были введены около двух лет тому назад. Это было сделано опять же после 11 сентября. До этого нам никогда не приходилось сталкиваться с подобным дерьмом здесь, в Голландии. Конечно, все эти карточки и паспорта влияют на нашу повседневную жизнь не лучшим образом, потому что мы должны носить их с собой постоянно, как ошейник. Если карты с собой не окажется, полицейские могут оштрафовать вас на 50 долларов и в тот же день вы обязаны будете пойти в полицейский участок и предъявить там паспорт или ID-карту, либо они сразу вас арестуют. До введения этих карт Голландия славилась своей толерантностью и либеральным политическим климатом, но за последнее время многое изменилось. Кстати, наши новые паспорта тоже будут иметь чипы, ведь наше правительство так любит целовать задницу США. И с тех пор мы видим все больше полицейских на улицах и все больше камер наблюдения (маленькие камеры, встроенные в банкоматы, камеры в поездах, в автобусах, на рабочих местах), охранников в супермаркетах, следящих за каждым твоим шагом. Все чаще на государственном уровне принимаются новые репрессивные законы и правила, которые могут разрешать, например, без особого повода прослушивать ваш телефон или забирать на проверку компьютер. Сейчас государство стало проводить более жесткую и репрессивную политику по отношению к левым радикалам, или сквоттерам, или мигрантам, прикрываясь «борьбой с терроризмом». Это примеры того, насколько глубоко полицейское государство вторглось в наше личное пространство. Новый политический климат под знаменем «антитеррора» оказывает очень сильное влияние на наше общество, но еще большее влияние он оказывает на политических активистов, борющихся с этой системой.

Jos: Не так давно у нас ввели правило, по которому вы можете проводить какие-либо банковские операции только при наличии удостоверения личности. Нам говорят, что эта мера была предпринята для того, чтобы бороться с отмыванием денег, но я сильно сомневаюсь в правдивости этих слов. Я все-таки считаю, что это проделки большого брата/сестры, который, как известно, повсюду

наблюдает за нами. Самое печальное, что от новых законов больше всего страдают эмигранты, даже больше чем радикальные оппозиционеры. Это самое явное подтверждение того, что расизм в нашем обществе продолжает процветать.

GMB: Я знаю, что один из вас — директор начальной школы. Что вы думаете о панках, для которых работа может быть частью жизни? Ведь чаще всего панк ассоциируется с бунтом против устоявшейся системы ценностей и против власти. Какие проблемы возникают у тех, кто в открытую высказывается о своих убеждениях, находясь при этом наверху педагогической иерархии?

Jos: Да, я директор начальной школы. Прежде всего хочу сказать, что с термином «педагогическая иерархия» я совершенно не согласен. Я не уверен, что говорить детям о том, что правильно, а что неправильно, — задача учителя или взрослых. Наша задача состоит в том, чтобы предложить детям различные варианты и взгляды на жизнь. Взрослые часто делают ошибку, полагая, что дети не могут думать своей головой. Школа, которой я управляю, — школа без наказаний, в ней детям дается свобода принятия собственного решения. Мы стараемся смотреть на них как на равных, насколько это возможно. Скорее всего, я бы не смог работать в 90% голландских школ просто потому, что там очень строгие правила и у детей с учителями нет практически никакой независимости. Поэтому моя работа отлично вписывается в мой образ жизни.

GMB: Твои ученики знают, что ты панк? Кто-нибудь из них был на вашем шоу?

Jos: Да, родители, дети и учителя знают, что я панк. Я ничего не утаиваю, не закрываю свои татуировки, и все знают о моей причастности к группам и сцене. Я занялся образованием 20 лет назад, и сейчас иногда вижу, что мои бывшие ученики начинают собирать собственные панк-группы. Было несколько шоу «Seein Red», на которые приходили мои коллеги или родители учеников. Это было достаточно забавно.

GMB: Недавно Кент МакКлард написал статью, в которой призвал всех панков идти на выборы, объясняя это тем, что люди во власти рассчитывают на то, что мы не пойдем голосовать. Я думал над песней «Smash the Ballot Box». Что можете сказать об этой статье?

Paul: Нет никакого толка от того, что активисты пойдут на выборы. У нас нет никакой альтернативы, за которую можно было бы идти голосовать, поэтому ничего не изменится, если даже все панки проголосуют. Пока мы живем в условиях представительной демократии, нет разницы, одна партия участвует в выборах или несколько. Пока власть над народом принадлежит классу капиталистов, мы будем просто стадом баранов, если будем ходить на выборы. Раньше

я практически всегда ходил на выборы и голосовал за коммунистическую партию, а иногда за лейбористов. Но я обманывал сам себя, потому что коммунистическая партия никогда не входила в голландский парламент — потому что у них никогда не было такого бюджета, а лейбористская партия слишком часто шла на уступки консервативным партиям. В Голландии у власти всегда были коалиции партий, и за последние несколько десятилетий это были в основном христианские демократы, либералы, либерал-демократы и лейбористы, которые объединялись между собой. Так где же выбор? Капитализм с человеческим лицом или капитализм с консервативным лицом — неважно, вы так или иначе голосуете за капитализм. И я часто задаюсь вопросом, должны ли мы поддерживать иллюзию, что это демократический процесс, — ведь мы не в состоянии хоть что-то изменить. Об этом идет речь в песне «Smash the Ballot Box».

GMB: На вашем сплите с «MK Ultra» вы использовали некоторые интересные цитаты из Тима Йоханнана. Откуда они и как вы нашли их?

Paul: Выборки были взяты из голландского радио-шоу, транслирующего передачу про панк. Это было время, когда панк-рок стал очень популярным благодаря группам «Nirvana», «Green Day», «Offspring», «Rancid» и т.д. Часть передачи была посвящена истории панка, но там рассказывалось и о новых «панках» и современных панк-шишках, типа Берта Гуревича из «Epitaph». К моему удивлению, они пригласили на передачу Тима из «MRR», который представлял D.I.Y. панк-сообщество. Он был единственным, кто сказал что-то интересное и высказал свое мнение по поводу панков, которые ушли в мейнстрим.

Jos: Мы посчитали своим долгом запихнуть эти слова между песен, так как они лучше всего, на наш взгляд, описывают то, чем хардкор и панк являются на самом деле.

GMB: Если сложить ваш возраст, то получится 75 лет панк-опыта. Какие самые полезные уроки вы смогли извлечь за все это время?

Jos: Ну, я понял то, что тот, кто стремится учить всех жизни и считается самым непримиримым ревнителем своих идей, чаще всего и сдается самым первым. Еще один урок — солидарность и поддержка на глобальном уровне. Это выдающееся достижение именно панк-сообщества, и именно это делает его очень сильным и особенным. Везде, где бы вы ни были в мире, вы встречаете панков, которые гостеприимно встречают и поддерживают вас, и это чертовски здорово! А еще я понял, что коллекционеры винила и дисков — претенциозные придурки!

Подготовил С.М.

Мои встречи с «Seein Red»

В ту субботу, около полудня, мы получили информацию о точном месте проведения ежегодного съезда неонацистских политических партий CP'86. Мы, антифашисты из Роттердама, вернулись в наш автобус, чтобы обсудить, как сорвать проведение этого мероприятия. Пока двигатель прогревался, в автобус зашли 4 человека в черных капюшонах со свернутыми баннерами в руках. Это были «Seein Red» — сразу узнаваемые по своим крепким фигурам, черным одеждам, черным волосам, темным глазам и широким улыбкам. В тот день они были нашими гостями.

По пути к месту действия наш автобус обогнала колонна полицейских автомобилей. Мы начали суетиться и обсуждать, что будем делать. В этот момент я с удивлением заметил, что ребята из «Seein Red» продолжают сидеть на своих местах, абсолютно спокойные и невозмутимые. Мы сообщили им о нашем решении, которое было принято на координационной встрече: планировалось попытаться нейтрализовать полицейских собак, если их будут использовать против нас во время акции. Паулю, Ёсу и Олафу, видимо, очень понравилась эта идея, и они улыбнулись, сказав, что останутся с нами.

Час спустя мы уже стояли в черном блоке напротив небольшой группы полицейских с тремя служебными собаками и целого взвода полицейского спецподразделения за их спиной. Нацисты тем временем решили покинуть место событий, и полиция согласилась предоставить им свободный коридор для прохода к их автобусу. Когда автобус с нациками проезжал мимо антифашистов, многие из нас побежали вслед, разные предметы полетели в обоих направлениях, просвистев над головами полицейских, которые стояли между нацистами и нами. Многие из стоявших в черном блоке побежали к нашему автобусу, а мы остались стоять небольшой группой по другую сторону площади прямо перед полицейскими, которые теперь значительно превосходили нас численностью. Тогда-то собаки и были спущены на длинный поводок. Нас пытались выдавить с площади, но мы ответили громким свистом, издаваемым специальными свистками, чтобы отпугнуть собак. Одна из них настолько обезумела, что развернулась

и атаковала своего собственного хозяина. Когда я обернулся взглянуть, что делают другие антифа, мои глаза встретились с глазами парней из «Seein Red», в которых читалась ярость и спокойствие одновременно.

Все годы нашего знакомства я наблюдал, как этим парням удавалось создавать вокруг себя совершенно особенную атмосферу — сочетание политики прямого действия и музыки, как на благотворительном концерте для местных антифашистов в зале «Аквариум» в Арнхейме (где я увидел и услышал их впервые), так и на уличной демонстрации. Они были прекрасными организаторами и могли легко вовлечь любителей музыки в антифашизм, как, например, тот D.I.Y. арт-проект, который был сделан вместе с «Atilla the Stockbroker» (в миру больше известен как Джон Бэйн — британский фолк-панк-музыкант и поэт, один из основателей «Oi!», направления в современной поэзии, известного как «рантинг» — прим. переводчика) и питерской группой «Markscheider Kunst», чтобы поддержать немецких антифашистов в начале 1990-х годов.

Надо сказать, что их левые и антифашистские взгляды не всегда воспринимались в России. Это я понял, читая некоторые комментарии к интервью, которое они дали, играя в Санкт-Петербурге несколько лет назад. Их представляли как группу недоумков, которые совершенно ничего не знали о преступлениях коммунистов в XX веке. Это правда, что их аргументы в пользу коммунизма и против капитализма похожи на те, что мы часто слышим от Зюганова, но давайте сравним для начала, как живет Зюганов, и как живут парни из «Seein Red».

Они никогда не предавали своих принципов, проработав всю жизнь в так называемом «общественном секторе» для общего блага и всю жизнь играли панк-рок для удовольствия, а не ради прибыли. Когда я только познакомился с ними, большинство антифашистов из D.I.Y. панк-сообщества жили на социальное пособие из принципа, многие, в отличие от них, мечтали зарабатывать деньги, будучи музыкантами. Другие, как например роттердамская панк-группа «Rondo's», благодаря которым в 1980-е годы появилось огромное количество антифашистов, отошли позднее (будучи разочарованными D.I.Y.-панком) от музыки и стали заниматься социальной работой. Для меня «Seein Red» — пример последовательного отстаивания глубоко личной антифашистской позиции. Я думаю, что за многие годы они доказали, что можно быть активным, несмотря на разочарования и возраст, просто нужно делать то, что вам нравится, и то, что вы считаете нужным. Даже забавно, что эти ребята — живое доказательство того, что есть коммунисты, которые не пытаются лгать и манипулировать кем-то и для которых политика и панк — не пустые слова.

Я очень рад, что это интервью переведено для «Антифашистского мотива», потому что уверен, что такая группа как «Seein Red» безусловно заслуживает внимания антифашистов в России.

Смитс

«Антифа Берн»: интервью с швейцарскими антифашистами

Расскажи немного об истории антифашизма в Берне.

Антифашистское движение зародилось в Берне в конце 1980-х, когда активисты из автономного центра «Reitschule» заметили резкий рост неонацистских группировок и партий правого толка. В 1990-е неонацисты стали действовать более радикально: сжигали центры для беженцев, устраивали вооруженные нападения на их дома и атаковали левые демонстрации. Пытаясь противостоять насилию со стороны неонацистов, леворадикальные активисты организовывались в антифашистские группы и сети, чтобы начать борьбу с фашизмом и капитализмом. В 1990-е, когда неонацисты стали активно проявлять себя, количество антифашистов стало увеличиваться, и в 1994 году была основана «Антифа Берн». В 2000 году в Берне состоялось первая, ставшая в последующем ежегодной, манифестация против неонацистов, благодаря которой антифашистское движение стало крепнуть и расширяться. В 2004 году более 4 000 человек присоединились к антифашистской манифестации. С 2005 года уличные столкновения с применением физического насилия почти прекратились. На сегодняшний день антифашисты представляют собой хорошо организо-

Социально-культурный автономный центр «Reitschule»

ванные группы в различных районах города, но, тем не менее, они не могут достичь того успеха, который имели в 2005 году.

Какова основная стратегия антифашистов в Швейцарии?

Одной стратегии нет. Существуют «Info-Antifas», которые собирают информацию о неонацистах, периодически собираются группы для проведения различных мероприятий, в том числе блокады неонацистских демонстраций. Есть группы, которые занимаются дизайном и печатью стикеров, и прочих материалов, группы, атакующие неонацистские концерты и бары, группы, рисующие граффити, и разные другие. Немногие активисты придерживаются позиции, что фашизм — это проблема, которая связана только с капитализмом, и поэтому сначала именно он подлежит уничтожению.

Знают ли антифашисты в Швейцарии о важных событиях российского антифашистского движения? Вообще, что известно об антифашистах из России?

Мы знаем, что быть антифашистом в России очень опасно, нельзя просто так носить футболки, значки или еще какие-то атрибуты, однозначно связанные с антифашизмом. Также все знают, что степень насилия, применяемого друг против друга, совершенно отличается от Швейцарии.

Мой личный опыт показал, что антифашистская сцена в России, с одной стороны, более радикальная, потому что ты рискуешь своей жизнью за эту идею. С другой стороны, я разговаривала с российскими антифашистами и думала: «Ты никогда не смог бы иметь подобное мнение и принадлежать к антифашистской сцене в Швейцарии». Например, некоторые российские антифашисты придерживаются жестко гомофобных и иногда даже патриотических взглядов.

Устраивали ли вы когда-нибудь мероприятия, связанные с российскими антифашистами?

Я организовывала тур группы «What we feel». Кроме этого, не так давно состоялась небольшая протестная акция солидарности с нижегородскими антифашистами у российского посольства, на которой активисты раздавали листовки.

Расскажи немного о музыкальной составляющей движения.

Музыка — наиболее важная часть сцены, за счет которой собираются деньги (благодаря концертам солидарности, продаже дисков и пр.). Вдобавок, в Берне широкая DIY — хип-хоп сцена молодых активистов. И, конечно, музыка играет очень большую роль в организации ночных событий — вечеринок, в том числе в рамках «Reclaim the streets» (RTS, дословный перевод — «Возвращение улиц»).

В 2006 — 2008 гг. в Берне ежегодно проходил антифашистский фестиваль, главной идеей которого был сбор денег для активистов и организации акций. Но на втором фестивале, в 2007 году, во время выступления группы «Oi Polloi»,

в зале была найдена бомба, из-за чего пришлось эвакуировать всех людей. К счастью, бомба взорвалась снаружи и никто не пострадал. Но на следующий год на фестиваль пришло слишком мало людей, скорее всего потому, что многие были напуганы. Организаторы потратили больше денег, чем собрали с концерта, так что фестиваль в 2008 году стал последним — ведь главная цель, для которой он был организован, потеряла свой смысл.

Расскажи о политической ситуация и социальных проблемах в Швейцарии.

Превалирующие настроения в Швейцарии в некоторой степени находятся под воздействием расизма. В Швейцарии не так много настоящих нацистов, как, например, в России, но значительная часть граждан подвержена ксенофобии. Партия, занимающая второе место в Швейцарии по количеству голосов, называется «Schweizerische Volkspartei» (SVP — Швейцарская народная партия). Она придерживается правых взглядов и знаменита множеством инициатив — например, «депортационная инициатива». Этот проект направлен на то, чтобы иностранцы и иммигранты, совершившие преступление, были немедленно депортированы, вне зависимости от того, что они сделали и откуда они приехали. Плакаты рекламной кампании, связанной с этой инициативой стали очень популярны.

«Мир цветной, а не черно-белый!»

Может ли он быть реализован, в соответствии с задумкой SVP, неясно, дискуссия об этом до сих пор продолжается в Европейском Суде по правам человека. Другая законодательная инициатива SVP — «Минарет»: с принятием этого проекта мусульманам будет запрещено строить минареты в Швейцарии, при том что 18% иммигрантов в Швейцарии — мусульмане. Обе инициативы очень популярны.

Люди, ищущие убежище в Швейцарии, и беженцы сталкиваются с разнообразными проблемами. Например, многие из них не получают денежную помощь, а только талоны одного из лучших супермаркетов Швейцарии. То есть, они не могут купить билеты на поезд или что-то другое, единственный способ воспользоваться такой материальной помощью — купить товары в супермаркете. Иммигрантам, получившим разрешение находиться в Швейцарии, трудно найти жилье и работу. Складывается ситуация, в которой лица, проживающие в стране на протяжении долгого времени, но не имеющие швейцарского гражданства, не могут голосовать. В последние месяцы, правительство вновь ужесточает миграционное законодательство — теперь они хотят создать специальные лагеря для «недисциплинированных» иммигрантов и беженцев.

Мне кажется, что швейцарцы опасаются посягательства на их материальное процветание — на сегодняшний день граждане Швейцарии считаются одними из наиболее благополучных людей в мире. И при этом они позволяют SVP, внедряющей идею о том, что иммигранты представляют угрозу для швейцарцев, управлять собой, оказывать воздействие на их мировоззрение.

«Депортационная инициатива» наткнулась на серьезное противодействие. В 2007 году, когда начали собирать подписи в поддержку этого проекта, в планы SVP входил «Марш на Берн» (название было выбрано по аналогии «Марша на Рим» Муссолини). Реакцией на это стала акция протеста «Ganz Fest gegen Rassismus», представляющая собой музыкальный фестиваль, на котором активисты выступали против «депортационной инициативы». «Ganz Fest gegen Rassismus» в дословном переводе означает «категорически против расизма», но на самом деле тут имеет место игра слов, потому что «fest» может значить на немецком и «праздник», и «строго»

Антирасистское движение в Швейцарии достаточно активно на сегодняшний день, также как и движения против капитализма, джентрификации, загрязнения окружающей среды, репрессий. Другая актуальная тема, интересующая молодежь и активистов — проблема отсутствия свободных пространств.

Много различных манифестаций организуется по всей стране, в том числе ежегодные демонстрации против Мирового экономического форума, проходящего в Швейцарии.

И.

ИСЛАМ, АНТИФАШИЗМ И ПРЕДРАССУДКИ

В настоящее время во Франции идет сложная дискуссия по поводу ислама, который некоторым представляется как угроза нашему светскому обществу (во Франции ранее сложилась хорошая республиканская традиция не выносить религию за рамки частной жизни). Но в последние 15 лет мы стали свидетелями кампаний за или против хиджабов в школе, закона против ношения паранджи в общественных местах, традиционных пятничных молитв, занимающих по несколько улиц в том или ином квартале.

В целом спектре мнений появляется определенное количество предрассудков, в той или иной степени расистских: тут сказывается и незнание того, чем же на самом деле является ислам или, скорее, различные формы ислама; и незнание множества причин, по которым девушки решают носить хиджаб, в отличие от устоявшегося мнения, что за них решают родители; и паранойя по поводу паранджи, которую носят всего одна-две тысячи женщин во всей стране; наконец, полное непонимание в вопросе многолюдных молитв, занимающих улицы якобы зимой и летом, под солнцем, в дождь и в снег. Для одних последнее — свидетельство воинствующего фанатизма этой прозелитской религии, тогда как другие, более объективные, наблюдатели видят в этом лишь то, что местная мечеть или молельная комната слишком малы, чтобы вместить верующих со всего района…

Конечно, предрассудки муссируются правыми и ультраправыми группами, партиями и экспертами с четкой стратегией, чей основной принцип, по золотому правилу Карла Шмидта, состоит в определении врага. После 11 сентября, согласно теориям «столкновения цивилизаций», ислам, который отождествляют с политическими экстремистами, стал идеальной мишенью.

К сожалению, и значительная часть левых попала в ловушку, расставленную некоторыми правыми и даже ультраправыми деятелями, которые взяли на вооружение несвойственные для них дискурс и аргументы: светскость, единство Республики, антикоммунотаризм, права женщин…

Таким образом, появились личности и группы среди левых и даже среди феминисток, которые стали участвовать в этом новом дискурсе под республиканскими знаменами своих бывших злейших врагов. Большинство из них, переняв тот же тип дискурса, сохранили политическую дистанцию с ультраправыми. Другие же, конечно, не столь многочисленные, докатились до того,

что участвуют в совместных демонстрациях с неофашистскими группами или во всеуслышание заявляют о своем согласии с «новым республиканским дискурсом» незакомплексованных правых политиков.

Что же стало причиной такого сближения групп, которые история разделила реками крови? Кем видят себя антифашистские активисты в этой дискуссии? Неужели они тоже поддались расистским или ксенофобским предрассудкам?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно сначала определить место ислама во Франции, который тесно связан с магрибской либо с африканской иммиграцией. Возникает вопрос, почему эта дискуссия возникла только недавно, несмотря на то, что иммиграция — явление историческое.

Что касается места антифашистов в этой дискуссии, необходимо подчеркнуть следующее: антифашизм во Франции неразрывно связан с историей левых и социального движения, хотя почти все антифашистские активисты сегодня — выходцы из либертарного движения. Они наследники этой истории, знают и принимают ее, заявляют о своих правах на нее.

Антирасизм, неотделимый от антифашизма, видится в этом ряду с моральной, но прежде всего с политической точки зрения как способ эмансипации масс; идеология, берущая начало еще с дела Дрейфуса (конец XIX века). До этого среди рабочего класса, включая политически сознательных его представителей, нередко можно было встретить сильные ксенофобские настроения, главным образом в силу социальных причин: евреев часто ассоциировали с крупными предпринимателями, в итальянских и польских иммигрантах ви-

«Я обвиняю!» - открытое письмо Э.Золя президенту Франции 13.01.1898 г. в защиту А. Дрейфуса против антисемитизма и военной истерии.

дели угрозу снижения зарплат, так как они соглашались на низкооплачиваемую работу. Из-за того, что они в основном были католиками в стране, где католицизм зачастую принимал сторону власть предержащих, их считали «предателями рабочего класса» и т.д.

Дело Дрейфуса стало одним из важнейших толчков к осознанию того, что расизм и ксенофобия — это оружие патронов и государства в «разделении рабочего класса». Отдельная заслуга в этом принадлежит анархистам и некоторым представителям социалистического движения того времени. Предрассудки, конечно, не исчезли полностью (такова человеческая природа…), но расизм и ксенофобия были однозначно побеждены, и дальнейшие события — подъем фашизма и нацизма, жестокие профсоюзные битвы, Сопротивление во время войны — создали в левой среде настоящую, глубоко укоренившуюся культуру интернационализма и антирасизма. Сегодня нет ни одной кампании солидарности с рабочими-мигрантами, кампании поддержки нелегальных мигрантов, которые хотя бы на словах не были поддержаны всеми французскими левыми. История же показывает, что те левые, которые заигрывали с расизмом и ксенофобией, всегда в конечном счете оказывались на ультраправом фланге.

Мы говорим сейчас об общей культуре. Но не будем слишком идеалистичными: существовали и противоположные тенденции. Нынешняя государственная политика по криминализации «незаконных» мигрантов, проводимая правым правительством, ранее так же успешно проводилась социалистическими правительствами, и активистам из социалистической партии порой было трудно с этим мириться. В 1970-е годы Коммунистическая партия Франции взяла на вооружение лозунг «Произведем французское», который принял весьма неоднозначный смысл и который фашисты из Национального фронта с легкостью извратили, добавив «…руками французов».

В рядах активного движения солидарности с палестинским народом, которое традиционно стояло на левых позициях из-за связей с арабскими иммигрантскими активистами, и исторически сложившегося после 1968 года интернационализма, у некоторых исчезла грань между антисионизмом и антисемитизмом. Эти люди немедленно исключались и изгонялись из любых демонстраций, конференций или собраний и в основной массе присоединялись к ультраправым.

Были и другие: осознающие указанные границы, но, тем не менее, терпевшие — во имя единства в деле пропалестинской солидарности — явно антисемитскую риторику тех групп, которые зачастую были связаны с ультраправыми на почве антисемитизма. Для антифашистского сообщества здесь вопрос совершенно ясен: любое подобное сотрудничество неприемлемо, антифашистами ведется решительная и постоянная работа по разоблачению этих союзов. Граница с ксенофобской риторикой (hate-speech) или ксенофобскими группами (hate-groups) должна быть полностью непроницаемой, это верно всегда и везде.

Новые «исламофобские» кампании стали настоящим вызовом для антифашистов и для всех левых в целом.

Ислам во Франции тесно связан с историей магрибской иммиграции и предшествующей ей французской колонизации Северной Африки. Эти два явления важны для понимания нынешнего контекста.

Ни один из основных республиканских принципов «Свобода, Равенство, Братство» не применяли (либо лишь делали вид, что применяли) по отношению к колонизованным, которые всегда имели статус граждан второго сорта (sous-citoyens). Уже в то время ссылались на их религию, чтобы подчеркнуть, насколько они «отличались», а следовательно, не могли быть приняты в гражданство. Доступ к образованию был предоставлен только ничтожному меньшинству, тогда как остальные нужны были для того, чтобы служить «европейцам». В левой среде большинство партий долгое время поддерживали колонизацию, считая своим долгом участвовать в «обучении туземцев» — патерналистская точка зрения, которая распространена и сейчас.

После войны за независимость Алжира (1954-1962) контакты между Францией и ее бывшими колониями не прекратились: последние обеспечивали ее заводы полками иммигрантов, призванных поддерживать экономический рост того периода. Эти иммигранты, главным образом трудовые, приезжали не навсегда. По крайней мере, они так думали. Они мечтали вернуться на родину, стараясь не поддаваться на расистские провокации фашистов, полиции, сформированной во время Алжирской войны и сохранившей презрение ко всему арабскому, или бригадира на заводе. Тем не менее, во время социальных кризисов эти иммигранты пополняли ряды забастовщиков и синдикалистов, о чем многие забывают. Даже если они и были мусульманами, то это был «личный ислам»: лишь небольшое количество мечетей находились в руках чиновников — выходцев из страны эмиграции (в основном, Алжира и Марокко, либо из Турции), с позволения французского Министерства внутренних дел, которое контролировало эту сферу.

Понадобилась целая цепь событий, чтобы этот классический постколониальный расизм трансформировался в широкую исламофобию. И прежде всего, появление на сцене ислама как такового.

Серьезные социальные проблемы в рабочих кварталах в пригородах крупных городов иногда приводили к бунтам, начиная с 1990-х годов. Власти реагировали так же, как во времена колонизации: сначала обращались к имаму с просьбой разрядить обстановку, несмотря на то, что большинство бунтующей молодежи хоть и принадлежали к исламской культуре, но не обязательно было религиозным. Если этого было недостаточно, в дело вступала полиция. Естественно, различные исламские организации не упустили возможность получить в свои руки молельные комнаты, а затем и мечети в обмен на обязанность быть представителем властей, ссылаясь на роль социального миротворца. Ислам стал заметным.

Второй фактор, возможно, самый важный: дети первого поколения иммигрантов родились и выросли во Франции. У них есть французское гражданство, но повседневный расизм и дискриминация, жертвами которых они становятся несмотря ни на что, заставили их действовать. Вместо того, чтобы опустить голову, как большинство их родителей, они громко заявили свои права на гражданство — впервые новое поколение появилось на политической и медиасцене как самостоятельная сила во время «Маршей равенства» 1983 и 1984 годов, которые прокатились по всей Франции. Разочарованные слабым долгосрочным влиянием, присвоением их движения политическими партиями или их дочерними ассоциациями (такими как «SOS Racisme»), невозможностью быть французом во Франции, которая их отталкивает, а также невозможностью быть частью страны своих предков, которую они не знают, многие из этих молодых людей обратились к исламу как к носителю идентичности. И чаще всего уже не к исламу во Франции, как их родители, а к исламу ИЗ Франции, через таких богословов как Тарик Рамадан (Tariq Ramadan) или через свои собственные искания. Этот ислам очень разнообразен, он может быть консервативным с очень фундаменталистскими или реакционными чертами, связанным с международной организацией «Братья-мусульмане», или же более социальным, напоминающим движение левых христиан, зародившееся в 1930-х годах, и связанным с социальным движением, главным образом через социальную работу в кварталах.

В течение 1990-х годов гражданская война в Алжире между военной диктатурой и исламистскими повстанцами затронула Францию волной терактов, исполнителями которых были молодые французы с алжирскими корнями, обращенные в наиболее радикальный ислам. Эти инциденты, как и случай банды из Рубе, грабителей банков, ранее воевавших в «интернациональных бригадах» во время войны в Боснии в 1991-1996 гг., показали опасный образ радикального ислама, хотя его сторонники и очень малочисленны.

11 сентября 2001 года массовые теракты в США спровоцировали волну исламофобии на Западе, сформулированную впоследствии в теории «столкновения цивилизаций». С этого момента все кому не лень критикуют ислам во Франции, сваливая в одну кучу историю с датскими карикатурами, девушек в хиджабах, терроризм, молитвы на улицах, иммиграцию и даже палестино-израильский конфликт. Организованное еврейское сообщество, которое мирно сосуществовало с мусульманами, тоже частично поддалось пропаганде ультраправых ради «противостояния общему врагу».

Следует добавить, что ультраправые в нашей стране — сильные, но всегда маргинализируемые во время выборов — пользуются случаем, чтобы скопировать голландскую и скандинавские модели «популистских партий», которые появляются в Северной Европе под предлогом борьбы против ислама и защиты свобод (прав женщин, меньшинств, светскости и т.д.). Часть правых уже преуспела в этом и, как мы видим, часть левых повелась на антиислам-

скую пропаганду. Этому способствовала и теория «столкновения цивилизаций», так как она позволяет правым и ультраправым заработать более приемлемую и более «политически корректную» репутацию, чем у закоснелых постколониальных расистов.

В левом движении дискуссия привела к расколу: кампании за или против хиджаба в школах и последовавший закон о его запрете радикализировали позиции внутри движения. С одной стороны оказались молодые мусульманки, отстаивающие свои убеждения (право на религию, право на самоопределение либо и то, и другое), а также сторонники школ для всех, а с другой стороны — искренние защитники светскости, смешавшие недоверие ко всем религиям с обычной исламофобией. Пропасть между ними разрастается, все чаще звучат заявления о недостаточной интеграции мусульман в республиканские ценности.

В борьбе за самоопределение забывают про необходимый классовый анализ, что особенно прискорбно для левых. Ведь проблема ислама включает не только религию, но также классовый вопрос и вопрос городских районов: большинство мусульман — выходцы из бедных слоев и живут в рабочих кварталах. Большинство левых активистов — из среднего класса и живут в центре города. Речь идет о двух сообществах, которые редко соприкасаются на социальном или политическом уровне и которые обычно не знакомы друг с другом.

Вот политический парадокс, который привел к серьезным последствиям: во время очередных региональных выборов левая партия представила список, в котором одна активистка оказалась мусульманкой, да еще и в хиджабе! Скандал — как партия, выступающая за светскость, могла выставить кандидатуру «явной мусульманки», а значит «противницы свободы женщин»? Рядовые активисты, выходцы из среды «обычных людей», как и сама активистка, пытались оправдаться, защитить идею, что быть мусульманином не мешает классовому сознанию, феминизму и активному участию в социальной борьбе как раз из-за своего происхождения из наиболее сознательной среды, — все напрасно. Женщина вынуждена была отступить, вскоре она вышла из партии вместе со своей группой и другими похожими группами. «Светские» левые праздновали победу. А люди на местах были ошеломлены: из-за слепоты белых буржуазных активистов из центра партия потеряла несколько групп активистов, которые представляли интересы низов и занимались конкретно левой тематикой — социальной сферой!

Неужели можно быть мусульманином и левым? Мусульманином и за свободу женщин? Мусульманином и светским? Да, и даже антифашистом! Я стал свидетелем такого диалога: две девушки в чадрах яростно спорили с человеком, чья манера одеваться позволяла угадать в нем левого активиста. Подойдя поближе, чтобы защитить этого «товарища» от «фундаменталисток», я был удивлен, услышав, что говорят девушки: «Как? Ты споришь с UOIF («Союз исламских организаций Франции», могущественная организация, связанная с

«Братьями-мусульманами»)? Это же буржуи! Им нет дела до бедных! И к тому же они связаны с Саркози и Соралем (распиаренный СМИ фашистский активист, который на почве антисемитизма ищет союзников в исламской среде). С фашистами и с их союзниками не спорят. С ними сражаются!» Не зря говорят, что внешность обманчива...

Другая история: после убийства полицейским юноши арабского происхождения я пришел на акцию солидарности с несколькими активистами из «центра города». Нас встретили местные активисты, один из которых был из исламской религиозной группы. Так как один из «солидарных» выступал от имени гомосексуальной ассоциации, наша дискуссия затронула также тему гомосексуальности. Религиозный мусульманин был очень смущен: краснея, он признавал, что ислам осуждает гомосексуальность, и в то же время он был признателен этому товарищу за то, что он был одним из немногих из «центра», кто пришел к ним... В его представлении о «педиках» произошел настоящий переворот! Таким образом, солидарность затрагивает многие аспекты.

Эти случаи показательны, хотя, конечно, не касаются всего ислама, который во Франции базируется на более консервативных или религиозных ценностях. Они показывают уровень предрассудков, обусловленных культурными, географическими и классовыми различиями, которые мешают дискуссиям, спорам, встречам, акциям. Активисты — наследники маршей 1983 года, мусульмане, упертые или нет, которые считают себя левыми, уже в течение 30 лет испытывают огромное недоверие ко всем левым партиям, которые стояли на патерналистских позициях и пытались ими манипулировать или использовать их, этих «хороших эксплуатируемых арабов, которых мы знаем, как защитить, лишь бы они молчали и не мешали нам действовать».

Пропасть углубилась. Есть ли еще шанс ее заполнить? И что думают по этому поводу антифашисты?

Большинство из них прекрасно осознали, и уже довольно давно, кто же они такие: «маленькие белые радикалы из среднего класса», как писал в 1992 году

журнал «REFLEXes». Их деятельность не распространяется на рабочие кварталы пригородов, тем более, они там не живут. Они незнакомы с ними и понимают это. Это понимание собственного незнания уже является позитивным моментом, в сравнении с большинством левых… Вот показательный пример: одна фашистская группа организовала провокацию — на странице Facebook они сообщили о проведении пикника со свиными сосисками и алкоголем в квартале, где компактно проживают мусульмане. Левые группы собрались на контрдемонстрацию. И никто или почти никто не поинтересовался мнением организаций, расположенных в квартале! Префектура запретила фашистское собрание — к счастью, если можно так выразиться...

Большинство антифашистов, таким образом, ограничиваются резким антирелигиозным дискурсом — против всех религий, не заостряя внимание специально на исламе: граница между исламофобией и расизмом стала очень тонкой, и здесь главное — не лить воду на мельницу ультраправых.

Другие антифашисты начали посещать «тренинги» по исламу, чтобы с их помощью попытаться понять, что происходит в рабочих кварталах. Не получилось: на тренинги собиралось очень мало людей, и суть проблемы, как видим, не сводится к исламу.

Наконец, есть небольшая группа антифашистов, которая пытается навести мосты между активистами из центра и с окраин, главным образом посредством образовательных конференций на тему ультраправых и связей, налаживанием которых они пытаются заниматься с жителями рабочих кварталов и некоторыми мусульманами. Участники проявляют большую заинтересованность — конференции притягивают очень разных активистов: людей из пригородов, арабов, белых или черных, девушек в хиджабах или феминисток, мусульман или светских, анархистов, коммунистов, даже социалистов. Процесс идет медленно, но полученные отзывы и просьбы о проведении таких конференций из тех мест, к которым у антифашистов до сих пор не было доступа, дают им понять, что они прокладывают новую дорогу.

Однажды к этой группе обратились активисты из рабочих кварталов, среди которых некоторые афишируют свое исламское вероисповедание, по поводу конкретной информации — им показалась подозрительной листовка-обращение, опубликованная на популярных среди мусульман форумах. С тех пор они начали наводить порядок в своих рядах, иногда силой выдворяя антисемитские мусульманские группы с демонстраций солидарности с Палестиной или с собраний против полицейского насилия.

Начинается новая история антифашизма, которая опирается как на социальную борьбу, так и на антиколониальное и постколониальное прошлое Франции. В центре этой новой страницы — солидарность…

Pierre Hérisson, перевод: Влад

«Дети Петербурга»: обучение детей иммигрантов как антифашистская практика

Летом 2012 года в Петербурге открылись первые курсы русского языка и русской культуры для детей иммигрантов. Задумывались они не столько как какое-то учреждение, сколько как сеть или общественное движение, по типу движения наблюдателей. Собственно, мысль о создании курсов и пришла в голову наблюдателям во время обучающего семинара. Несколько человек, разговорившись о том, что государство не уделяет внимания адаптации детей иммигрантов, решили заняться этим сами. В результате оказалось, что несколько волонтеров, не имеющих никакого опыта в обучении детей-инофонов, без какой-либо помощи, самостоятельно организовавшись, могут сделать гораздо больше, чем государство, выделяющее 1,8 миллиона рублей в год на программу «Толерантность».

Идея заключалась в том, чтобы создать движение, в рамках которого любой желающий сможет открыть курсы в любом районе города, при этом каждая «точка» — максимально автономна и координируется из «центра» лишь по мере необходимости. Оказалось, что это не так сложно организовать: администрации культурных центров и небольших районных библиотек охотно соглашаются выделить помещение для занятий — дополнительная реклама в СМИ ведь никому не повредит. А волонтеров на такой проект оказалось найти несложно. Информация для них распространяется в основном в Сети, а для учеников — через листовки, переведенные на почти 10 языков, объявления в кафе и газете для выходцев из Средней Азии «Туран», разговоры на улице.

Естественно, вскоре школой заинтересовались в Смольном, стали намекать на возможность «сотрудничества» и, может быть, финансирования. Насчет того, чем такое «сотрудничество» обернется, ни один из волонтеров иллюзий не питал: это рекомендации-принуждения использовать определенные пособия, цензура при общении со СМИ, реклама государственных программ и опять непонятно куда девшиеся деньги.

И сегодня волонтеры продолжают свою работу, не боясь манипулирования, и пока — без денег. На самом деле, уверенность создателей многих проектов в необходимости финансирования часто не имеет под собой оснований. Даже если

родители не смогут купить своим детям необходимые материалы, мы явно не разоримся на 10 ручках, тетрадках, карандашах, красках и ватмане на стену, если в помещении нет доски. Экскурсии родители оплачивают всегда. А больше ничего и не нужно — раскраски можно рисовать, перерисовывать, копировать самим, книжки — распечатывать из Интернета. Так ли это сложно для тех, кто собирается построить новый мир на основах самоорганизации?

Сегодня самоорганизация — одна из самых важных антифашистских идей. Ведь авторитаризм не приемлет самостоятельности, личной инициативы, независимого коллективного творчества. И подобные волонтерские проекты функционируют как социальный эксперимент: ведь в проекте заняты люди, объединенные общими целями, но все же с разными взглядами. И если с оргсовета по митингу можно просто выйти из-за расхождений с другими участниками, то в подобных волонтерских проектах приходится учиться договариваться.

Вообще, многие активисты часто отрицают непосредственную работу с людьми — мол, рабочие не осознают себя как класс, почти все студенты хотят стать менеджерами, а иммигранты боятся каждого столба. Конечно, не осознают, конечно, боятся, но ведь изменить это — наша главная цель. Невозможно отрицать роль прямого действия, уличного искусства и издания текстов, но часто мы слабо представляем себе, для кого и зачем мы это делаем. Работая с людьми, мы на своем опыте узнаем об их проблемах: ксенофобии, коррупции, косности системы образования — и учимся действовать эффективнее, а обучая — еще и передаем (вольно или невольно) наши взгляды. Волонтеры, которые одновременно — активисты студенческих и других движений, интересующиеся системой российского образования, попробовали сами устроить детей в школы и поняли, что бороться надо не только с разрушающими образование реформами: например, директора школ, не обращая внимания ни на какие законы, отказывались принимать детей иммигрантов — им ведь отчитываться перед районной и городской администрацией, а дети, только что приехавшие из других стран и не знающие языка, конечно, будут учиться хуже.

Больше всего начинающих волонтеров тревожит отсутствие у них педагогического образования. Однако бояться собственной неопытности не стоит. Во-первых, лучше хоть какие-то занятия с детьми, чем вообще никаких. Во-вторых, учить детей, особенно дошкольников и в маленьких группах, не так уж сложно: желание учиться у них огромное, а начинающие педагоги могут получить новые знания на семинарах, которые профессиональные преподаватели часто устраивают для волонтеров. Если обладать хотя бы небольшой интуицией, можно и самим передать детям очень много. В-третьих, в процессе самого общения с детьми мы часто делаем больше, чем многие учителя. Волонтеры передают им свое активно-доброжела-

тельное отношение к миру, создают ощущение психологического комфорта и безопасности, передают знания о живой российской культуре, в то время как школьные учителя нередко заинтересованы лишь в передаче ученикам информации из учебников, а то и сами грешат ксенофобией.

Сейчас «Новые профсоюзы» в рамках проекта помощи трудовым мигрантам вместе с одним из волонтеров «Детей Петербурга» работают над созданием курсов русского языка и русской культуры, где будут обучаться как взрослые, так и дети. К счастью, «Дети Петербурга» не имеют ограниченного списка мест, программ и учителей, что позволяет идее жить и видоизменяться в соответствии с разными задачами.

Обычно на вопрос, что мы можем предложить вместо критикуемого нами строя, мы еще худо-бедно отвечаем, но большим количеством конкретных дел, выходящих за пределы помощи членам своего довольно узкого сообщества, похвастаться не можем. Поэтому и слышим от «простых людей», что «антифа — то же самое, что фа», «это просто субкультура» и так далее (правозащита же в обыденном сознании с антифашизмом не всегда ассоциируется).

Проблема, о которой нельзя забывать человеку, который работает с инофонами, — сохранение национальной культуры иммигрантов. Заниматься этим могут диаспоры, но школы и общественные организации, принимая иммигранта как полноценного члена общества, не должны навязывать русскую культуру как «более высокую» и единственно возможную в России (тем более, что это не так). Задача школ и общественных организаций — помочь адаптироваться, но ни в коем случае не заменить одну культуру другой. Как разные культуры будут уживаться — вопрос технический. Очевидно одно: унификация, тем более, принудительная, тем более, совершенно невозможная в современных условиях, — не путь к миру. Поэтому в планах волонтеров курсов — устраивать дискуссии и мастер-классы по национальным традициям, которые будут вести сами ученики и их родители, не только чтобы лучше узнать о культуре своих учеников, но и чтобы они чувствовали себя более комфортно, понимали, что их традиции вызывают интерес и уважение, а также преодолевали собственные националистические предубеждения.

Естественно, такая узкая практика, как волонтерское обучение детей, — лишь пример антифашистского действия. Есть огромное количество инициатив, которые являются конкретными делами, подтверждающими наши манифесты, прорывают границы субкультурности, ставят новые вопросы, и вместе с тем — медийны и действенны. Вариантов очень много — партизанское садоводство, сквоттерство, экозащита, либертарные школы, незарегистрированные спорт-клубы... Все они заявляют принципиальную независимость от государства, самостоятельность, ответственность и самоуважение. А найти свое несложно, главное — желание.

Е.П.

Практика правовой помощи цыганам

Впервые с цыганами я познакомился еще в глубоком детстве: ходили тогда у нас по городу слухи о воровстве из квартир, крайне нахальном поведении, торговле наркотиками, «гипнозе» — в общем, полный набор. Однажды мама отвела совсем малого брата в детсад, а мне по привычке наказала никому дверь не открывать, на звонки не реагировать. Но я послушным не был, зато отличался чрезмерным любопытством, так что все потуги матери оградить свое чадо от неприятностей жизни, как правило, заканчивались полным крахом. И вот, оставшись дома в одиночестве, я услышал звонок в дверь. Несмотря на предостережения, я не смог не выйти в «карман-коридор», соединяющий наши с соседями квартиры и не посмотреть в глазок. Свет на лестничной клетке желтоватыми лучами выделял из темноты подъезда силуэты трех женщин в каких-то совершенно невообразимых для меня одеяниях, с какими-то тюками, но более всего меня поразил взгляд одной из моих визитерш — такой пронзительно печальный и усталый.

Мелькнула, конечно, «разумная» мысль, что лучше бы развернуться и уйти в квартиру, но, как всегда, любопытство взяло верх, и уже через пару секунд я спросил: «Кто вы и что вам нужно?». Ответом мне было: «Помоги сынок чем можешь, страшно голодны. Дай хлеба, если не жалко». Хлеба мне было не жалко. «Подождите, я сейчас вернусь», — сказал я и пошел разорять запасы семьи. Накидав в пакет хлеба, яиц и прочей нехитрой снеди, которую удалось обнаружить в холодильнике, я вернулся в «карман-коридор». Предварительно заперев дверь в квартиру на ключ, еще раз обдумав план панического стука в дверь к соседям в случае непредвиденной ситуации и вооружившись чем-то из своего набора для игры во дворе (кажется, это был перочинный «ножик-лисичка»), я открыл дверь. На пороге, как и ожидалось, стояли три женщины крайне жалкого вида. Долго не размышляя, я протянул пакет с едой, наблюдая за тем, как округляются их глаза. И вот к этому я совершенно не был готов — поклоны чуть ли не до земли, шквал благодарностей и очень искренних слов о том, что я первый, кто вообще стал с ними разговаривать, — полностью обескуражили меня. Удалились они так же быстро, как и появились на моем горизонте. Именно в тот момент я понял, что не все так однозначно, как о том говорит народная молва. В дальнейшем у меня было еще несколько встреч с «гадалками» на улице, но ни разу это не заканчивалось каким-то страшным криминалом, о котором меня предупреждали все, с кем в разговорах только проскальзывало слово «цыгане».

Уже в сознательном возрасте я познакомился гораздо более тесно с этим удивительным народом. Недавно я начал работать в проекте по юридической помощи цыганам, что дало мне возможность проникнуть в среду, познакомиться с обычаями и развеять лично для себя большую часть стереотипов. Конечно, в первый мой приезд в место компактного проживания цыган я ощущал достаточно сильную тревожность, совершенно не представляя себе, как найти с ними общий язык, о чем говорить и с кем. Серьезное беспокойство вызывала возможная реакция на мое появление, но, собравшись с силами, я все-таки переступил невидимую границу поселения и сразу был окружен огромным количеством людей, говоривших на совершенно непонятном мне языке и требующих от меня каких-то документов и разъяснений о цели моего визита. Не самая спокойная обстановка для работы, должен признаться, но через некоторое время я уже был приглашен в дом на чай. Так за разговорами мы и начали понемногу привыкать друг к другу.

По ходу знакомства мне рассказывали о местах проживания других цыган, и понемногу у меня в голове уже начинал появляться план и фронт работ. Я решил проехать по всем местам компактного проживания и очертить основной круг проблем и задач, которые мне предстояло решить в своей работе.

Конечно, не все оказалось так просто, как я себе представлял. Некоторые проблемы оставались для меня неизвестными достаточно долго. На первоначальном этапе со мной с удовольствием делились трудностями в оформлении личных документов, и именно на этой почве мне и удалось войти в более тесный контакт с моими клиентами. Однако проблемами полицейского насилия, агрессии соседей и чиновничьего произвола поначалу со мной не делились, и при любой попытке поговорить об этом я слышал: все хорошо, никаких жалоб у обитателей поселений нет. Как выяснилось позже, для цыган характерно довольно детское миролюбие, с которым они подходят к урегулированию невольно возникающих конфликтов. О большинстве случаев предпочитают умалчивать, опасаясь ответной негативной реакции.

Не имея возможности оценить ситуацию со слов заявителей, я решил зайти с другого конца и пообщаться с сотрудниками полиции. Приходя до этого в полицейские участки исключительно по вопросам оформления документов, на этот раз я не рассчитывал на откровенность и не надеялся получить более

или менее адекватную картину криминальной обстановки в связи с проживанием цыган в данной местности Тем не менее, мне удалось выяснить, что у полиции не было претензий к этой группе населения: имели место небольшие конфликты, мелкие правонарушения (например, было подано заявление о краже металлического ведра, но прибывшим сотрудникам полиции удалось выяснить, что ведро было взято по ошибке и незадачливый владелец не подумал, что это ведро может представлять коммерческий интерес для охотников за черным металлом, и оставил его вблизи мусорного контейнера). То есть картина получалась почти идеальная.

Но мне как-то не верилось в подобное «мирное сосуществование», и, продолжая свою работу в области оформления личных документов, я пытался выяснять информацию о масштабных правонарушениях и конфликтах, возникавших в поселении. Когда определенный уровень доверия был достигнут, мне начали рассказывать совсем другие истории. Так, около года назад на табор было совершено массовое нападение молодежи — кто это был и что они хотели, точно установить не удалось. Но, судя по вооружению и крикам, можно предположить, что это были местные жители, решившие выместить свои обиды. Несмотря на звонки в полицию, реакции не было примерно около получаса, и за это время произошла крупная драка, в результате которой, к счастью, серьезно никто не пострадал. Полиция никого не задержала, информация об инциденте так и не дошла до протоколов правоохранительных органов.

Зато сотрудники полиции проявили рвение в не менее показательном эпизоде. Зимой 2011 года в таборе прошла спецоперация по задержанию подозреваемых в краже бухты кабеля с завода, находящегося неподалеку от места поселения цыган. Табор был окружен сотрудниками ОМОН, и, вопреки всякому здравому смыслу, зимней ночью людей выгоняли на снег прямо из кроватей, не давая возможности одеться и понять, что происходит. Около 20 человек было доставлено в ближайшее отделение полиции, где они незаконно удерживались в течение 13-14 часов, периодически переживая унижения и терпя побои. Нужно ли намекать на то, что никакой бухты, а уж тем более грабителей обнаружить не удалось?

Проблемы цыган не ограничиваются прямым насилием, направленным против них. Летом этого года жители страдали от невозможности воспользоваться колонками с водой, так как местные жители сломали все ближайшие к табору колонки, и цыгане спасались, покупая воду у тех же самых местных жителей по 10-15 рублей за ведро, что, безусловно, привело к осложнению санитарных условий и вызвало недовольство. Но, в отличие от ситуаций, описанных выше, эту проблему удалось разрешить: в сентябре у табора появилась новая колонка.

Особое внимание я уделял проблемам отношения к цыганам в государственных органах. К сожалению, возможностей моего пера не хватает, чтобы

описать уровень хамства, с которым приходится сталкиваться людям, а ведь они обладают всеми правами граждан Российской Федерации, хоть и отличаются внешностью и традициями и говорят на другом языке. Когда я впервые пришел с моими цыганскими заявителями в УФМС, я увидел такую картину: из кабинета чиновника, принимающего документы на замену паспорта, было выдворено несколько заявителей цыганской национальности с объяснением «цыган не принимаем». Только после моего грозного предупреждения и разъяснения неправомерности подобного отношения к цыганам удалось подать документы.

Стоит только удивляться, что, несмотря на ужасное отношение к цыганам практически во сферах социальной жизни, они остаются весьма добродушным и гостеприимным народом. Убедившись в моих добрых намерениях, со временем цыгане стали приглашать меня на свои праздники, с неизменным радушием принимали в своих домах. Не могло быть и речи о том, чтобы вести разговоры о делах, не угостившись стаканом чая. Как-то раз мне удалось побывать на праздновании Пасхи. Масштаб этого празднества описать невозможно — оставлю эти бесполезные попытки. Был я приглашен и на несколько свадеб, и на новоселье. Танцы и песни не прекращались ни на секунду, ни на миг не сходили улыбки с лиц гостей. Конечно, я и раньше слышал о бурном цыганском веселье, но, поучаствовав в нем лично, не перестаю удивляться.

Особую радость у меня вызывает совершенно отличительное чувство юмора цыган: таких искрометных шуток с огромной долей самокритики я не встречал, пожалуй, нигде. Как-то раз я засиделся до вечера в доме одного уважаемого старика. Он сказал: «Вот все говорят что мы дикие. Нет, мы вполне нормальные люди, хотя всякое бывает и среди русских, и среди цыган. Правда, вот мой внук — он точно дикий». Рядом стоит трехлетний малыш, жадно поглощая кусок колбасы и держа деда за ногу. «Вот он зимой не мерзнет, босиком, бывает, по снегу бегает. Хворь не берет. Жаль только, женить будет тяжело». — «Это еще почему?» — спрашиваю я. — «Да ест много».

На этой юмористической ноте мне хотелось бы завершить свою заметку — с надеждой, что читатели смогут с сочувствием отнестись к цыганам и вообще непредвзято посмотреть на ситуацию, в которой оказался цыганский народ, избавиться от стереотипов и предрассудков.

П.К.

Пикет памяти Тимура

13 ноября 2012 года состоялся ежегодный пикет памяти Тимура Качаравы — антифашиста, музыканта, участника социальной инициативы «Food not bombs», убитого нацистами в этот день в 2005 году. Именно с этого убийства началась волна террора в отношении антифашистов, который продолжается до сегодняшнего дня.

К месту гибели Тимура (магазину «Буквоед» на Лиговском, 10) пришли его родители, друзья, единомышленники. Были цветы и свечи. Прохожим раздавались листовки — в них говорилось, что «часто именно антифа становятся объектом подозрений и необоснованных репрессий со стороны государства», что «их подвергают унизительным и жестким мерам полицейского контроля».

К сожалению, пикет стал иллюстрацией того, о чем написано в листовке: хотя он прошел без эксцессов и был предварительно согласован администрацией Центрального района Петербурга, после того, как все разошлись, полиция задержала одного из организаторов. Его обвинили в административном правонарушении — превышении численности участников акции: по мнению полицейских, вместо заявленных 20 человек почтить память убитого за свои антифашистские убеждения пришло аж 50. Желание десятков человек выразить скорбь по поводу гибели антифашиста было расценено полицией как злостное правонарушение, заслуживающее наказания (штраф до 20 тысяч рублей).

Как видно, в условиях действия недавно принятых законов, ограничивающих свободу собраний и выражения мнений, «антифашистский выбор требует все большего мужества, сознательности и готовности к трудностям».

ТЕКСТ ЛИСТОВКИ

13 ноября 2005 года неонацистами был убит студент-антифашист Тимур Качарава. Этот день стал не только днем скорби и памяти, но и днем борьбы со всеми проявлениями фашизма. За прошедшие 7 лет возник целый список имен молодых людей, погибших лишь потому, что они не скрывали своих антифашистских убеждений: Александр Рюхин, Станислав Корепанов, Алексей Крылов, Илья Бородаенко, Илья Джапаридзе, Федор Филатов, Анастасия Бабурова, Станислав Маркелов, Иван Хуторской... Уже в 2012 году 20-летний самарский антифашист Никита Калин был найден убитым с множественными ножевыми ранениями.

Антифашисты подвергаются нападениям, насилию, постоянному риску, при этом им не только не предоставляется защита, но часто именно антифа становятся объектом подозрений и необоснованных репрессий со стороны государства. Даже тогда, когда сами антифашисты оказываются жертвами агрессии националистов, их подвергают унизительным и жестким мерам полицейского контроля.

Так, 29 октября 2012 года нападению опять подверглись самарские антифашисты. Один из них был тяжело ранен, в больницу попал в состоянии комы, а пока он там возвращался к жизни, у него же дома был проведен обыск, изъяты компьютер и другая техника. А еще через несколько дней — 4 ноября, когда националисты традиционно проводят откровенно расистские «русские марши», — репрессиям подверглись как те, кто пытался противодействовать национализму листовками в Самаре, так и те, кто в Саратове вывесил баннер против выступлений фашистов.

Среди политических заключенных современной России много антифашистов. Антифашистский выбор требует все большего мужества, сознательности и готовности к трудностям.

PASAREMOS!

Польша устала от ультраправой риторики

Немного истории

Говоря о современных ультраправых в Польше, стоит начать с небольшого исторического экскурса. В 1989 году путем переговоров (известных как «Круглый стол») закончилось противостояние «Солидарности» и демократической оппозиции с одной стороны и коммунистических властей в лице Польской объединенной рабочей партии (PZPR) с другой стороны, и Польша, выбрав направление развития страны в конце XX — начале XXI века, выпала из группы государств — сателлитов Москвы. В период независимости польские правые радикалы вошли нестройной маргинальной группой. Субкультурная часть ультраправых скинхэдов, объединенных в несколько карликовых организаций, дискредитировавших себя сотрудничеством со спецслужбами (например, атаки на демонстрацию несогласных с режимом в Гданьске) и занимавшихся, в основном, нападениями на независимые концерты, в большинстве городов были выбиты с улиц массовым, агрессивным уличным антифашизмом. Другая часть ультраправых вошла во вновь возникшие партии, такие как «Народно-христианский союз» (ZchN) и «Народное возрождение Польши» (NOP), ведущих свою идеологическую линию с довоенных национал-демократической и национал-консервативной традиций.

На переломе веков сошли с политической сцены такие видные деятели польского национализма, как Болеслав Тейковски и Лешек Бубель. Первый, некогда организатор и предводитель «Польского народного единства» (PWN) — панславянской организации, потерял поддержку среди ультраправых отчасти из-за своих прорусских взглядов. А Бубель, в прошлом — кандидат в президенты Польши, глава Польской партии друзей пива (PPPP), а в данный момент — один из организаторов карликовой Польской народной партии (PPN), теперь играет роль скомпрометированного шута, единственное занятие которого — вывешивание в интернете убогих видеоклипов на свои антисемитские песенки в стиле диско-поло.

«Лига польских семей»

Прорыв ультраправых в большую политику неразрывно связан с партией «Лига польских семей» (LPR). Впервые появившись на выборах 2001 года, LPR набрала 8% голосов, что позволило им провести в Сейм, состоящий из 460 человек, 38 своих сторонников. Успех «Лиги польских семей» на выборах свя-

зан, с одной стороны, с щедрым финансированием, полученным от Я. Кобылковского (польского миллионера, живущего в Уругвае), и медийной поддержкой «Радио Мария» (консервативной католической радиостанции, популярной среди пожилых), а с другой стороны — с беспроигрышным манипулированием низменными чув-ствами людей. Благодаря передачам «Радио Мария», мракобесие, приправленное речами о польской католической традиции, дало такой процент почитателей.

Роман Гертых, глава LPR

На выборах 2001 года LPR приобрела статус «самой антисемитской партии Польши», так как одним из главных акцентов предвыборной кампании партии стали «события в Едвабном». В июле 1941 года часть местных жителей в присутствии немецких солдат уничтожили всех своих соседей — евреев, которые на тот момент составляли большинство населения Едвабного. Заживо сожжено и убито было около 1600 взрослых и детей. В 2001 году президент Квасневский принял участие в открытии памятника жертвам и от имени всего польского народа попросил прощения за это позорное событие. В ответ «Лига польских семей» открыто выступила с критикой, назвав историю в Едвабном «ложью и мистификацией», «попыткой еврейского историка за немецкие деньги свалить вину за Холокост на поляков».

Позже, на выборах в Европарламент, LPR получила 16% и стала третьей по количеству депутатов среди польских партий, представленных в этом органе. Выборы 2005 года в Сейм дали те же 8%, на этот раз Лига вошла в правящую коалицию, а ее предводитель Роман Гертых получил место министра образования.

Действия депутатов LPR в Европарламенте и Гертыха на посту министра окончательно дискредитировали партию в глазах избирателей и привели к тому, что уже на следующих выборах 2007 года партия вообще не прошла в Сейм, набрав всего 1,5% голосов.

«Марш независимости»

Появление «Лиги польских семей» в большой политике легализировало их более молодых коллег, входящих в организацию «Всепольская молодежь» (Młodzież Wszechpolska — далее MW). Цель организации, согласно уставу, —

воспитание молодежи в соответствии с католической и национальной традицией. Созданная в 1989 году, организация придерживается националистических взглядов. MW и LPR много связывает: и общая идеология, и один и тот же лидер — Роман Гертых был первым председателем MW (1989—1994), а в 2006 стал председателем «Лиги польских семей». Это MW скандировала во время демонстраций лозунг «Не извиняюсь за Едвабно». Активисты MW проходили па списку LPR на выборах в Сейм 2005 года.

Начиная с 2005 года, еще одна националистическая организация «Национал-радикальный лагерь» (Obóz Narodowo-Radykalny — далее ONR) ежегодно организует в Варшаве 11 ноября «Марш независимости», который собирал около 500 человек. Но с 2010 года, когда к «Маршу независимости», кроме ONR, стали присоединяться MW, «Народное возрождение Польши» (NOP), «Автономные националисты» и другие ультраправые, и марш стал самым важным событием в году на ультраправой сцене.

В 2010 году он собрал несколько тысяч человек, и наряду с националистами в марше участвовали околофутбольные хулиганы из разных уголков Польши, на время отложившие свои войны, делегации ультраправых из Венгрии, Украины, Беларуси, Словакии. Марш оброс целым списком солидаризирующихся с ним людей. В так называемый «Комитет поддержки» вошли политики, музыканты и профессура консервативных и националистических взглядов.

Блокада правого «Марша независимости», 2011.

В 2011 году в «Марше независимости» приняли участие не только националисты и околофутбольные хулиганы, но и другие представители правой непарламентской оппозиции — монархисты, республиканцы и консерваторы. Не обошлось и без представителей ультраправых из европейских государств: Норвегии, Сербии, Украины, Чехии, Литвы. Марш собрал около 20 тысяч человек. Маршрут пришлось изменить из-за блокады, которую организовала инициатива «Соглашение 11 ноября», объединяющая широкий фронт антифашистов, от ЛГБТ-активистов, феминисток, представителей левых партий до радикальных антифа, анархистов и леваков. Взбешенные этим самые радикальные участники националистического марша устроили уличные бои. Было задержано около 200 человек, 95 из которых оказались иностранцами, ранено 40 полицейских, атаке ультраправых подверглись и журналисты.

Эти события вызвали широкий резонанс и общественную дискуссию. Президент Польши Бронислав Коморовский высказал мнение, что не стоит устраивать ультраправым праздник, и предложил в следующем году сделать свой марш, для истинных патриотов и людей доброй воли, отдельно от хулиганов и ультраправых.

Таким образом, в 2012 году в Варшаве прошло сразу три марша. Первый был организован либералами, в нем принимал участие президент, члены правительства и правящей партии и их сторонники. Альтернативный марш провело и «Соглашение 11 ноября», которое два года подряд блокировало «Марши независимости». Наконец, ультраправые все же провели свой «Марш независимости»

Блокировали, блокируем, будем блокировать!

под девизом «Вернем себе Польшу», в нем участвовало, по сведениям полиции, не более заявленных 50 тыс. человек, а TVN 24 называет цифру в 25 тыс. человек. В этом году опять были беспорядки. Финалом «Марша» стало заявление организаторов о создании «Национального движения» (Ruchu Narodowego), которое, по словам организаторов должно объединить в себе истинных патриотов и стать такой силой, «которой боятся леваки, либералы и пидоры».

Так ли все хорошо у наци?

Однако хваленого единства нет не только среди ультраправых Польши, но и даже среди самих участников «Марша независимости». После интервью верхушки ONR, в котором наконец-то, не прикрываясь патриотизмом, они открыто заявили, что не разделяют демократических ценностей, некоторые персоны, в прошлом году выражавшие свою солидарность с «Маршем», вышли из «Комитета поддержки», обозвав организаторов «ку-клукс-клановцами» (например, музыкант Павел Кукис). В прошлом участник того же комитета и организатор «Унии реальной политики» (Unija Polityki Realnej) консервативно-либеральной партии выразил нежелание сотрудничать с, как он выразился, «национал-социалистами».

Некоторые из участников марша, например, клуб «Газеты польской», в своем обращении подчеркнули, что, принимая участие в марше, они не собираются объединяться с ONR и другими радикалами и для них народная традиция в том, что Польша является многокультурной, многоконфессиональной страной, и поэтому, пройдя часть марша со всеми, они организовали отдельный митинг.

А одна из самых старых националистических организаций современной Польши, «Народное возрождение Польши» (Narodowe Odrodzenie Polski — NOP), существующая как движение с конца 1980-х и как партия с 1992 года, уже второй год подряд проводит 11 ноября «Марш патриотов» в городе Вроцлаве. Партия, набравшая на выборах проценты, укладывающиеся в социологическую погрешность, собрала на марш в этом году около 2000 человек. В лучших традициях нацистов они сначала промаршировали с факелами по городу, а затем напали на вагенбург, тяжело избив одного человека. Активность ультраправых в интернете, все более открытый выход на улицы и, как следствие, рост насилия вызвали широкий общественный резонанс.

Польские ультраправые, объявляя о создании «Народного движения» спят и видят, чтобы события в стране пошли по венгерскому образцу. Им грезится выход в «большую политику». Но, судя по последним выборам, когда в парламент впервые со времен «Круглого стола» прошли редактор самого большого атеистического журнала, открытый гей, трансвестит, Польша устала от ультраправой риторики.

Стас

Что именно желательно сделать со статьей 282 УК

Первый фундаментальный вопрос всех подобных дискуссий — можно ли преследовать «за слова». Ответ — безусловно, можно. И это происходит абсолютно во всех странах, в т.ч. в США с Первой поправкой, так как слова – разновидность поступка. Об этом давным-давно сказал один из судей Верховного Суда США: кричащий «Пожар!» в переполненном театре не защищен Первой поправкой.

Другой фундаментальный вопрос: на чем вообще основана идея запрещать hate speech (язык вражды) или incitement to hatred (возбуждение ненависти), откуда берется основание для специальных законов о hate crimes (преступлениях, мотивированных ненавистью) и о дискриминации? Речь идет не о ненависти вообще, а конкретно о ненависти к людям по тем или иным групповым признакам, начиная с расового, религиозного и т.п. Ответ: из представления, что равноправие по таким признакам – это одна из фундаментальных ценностей общества и особо грубые покушения на нее (как и на общественный порядок) должны быть наказуемы.

Остается найти баланс защиты этой ценности с соблюдением основных свобод. Этому посвящены многие тексты, международное право и т.д. Глупо считать, что мы в России должны изобрести этот баланс с нуля.

На что стоит ориентироваться? Рассуждая с позиций культурных и с позиций международного права прав человека — на Совет Европы. Что оставляет, конечно, большой простор для выбора.

Теперь я попробую кратко сформулировать, как именно мне кажется оптимальным в свете сказанного выше трансформировать ст. 282 УК (понимая, что это — лишь часть более широкой задачи реформирования антиэкстремистского законодательства).

Необходимо, однако, оговорить, что формулирование «идеальных законов» — не самоцель. Это лишь ориентиры, и я готов приветствовать любые изменения действующего закона в ту сторону, которая мне кажется правильной. Соответственно, я не вижу причины формулировать «идеальный закон» в деталях.

Я полагаю, что обычные преступления, совершенные по мотиву, избирательному по некоторым групповым признакам (это — определение преступлений ненависти, hate crimes), заслуживают более строгого наказания. Это принятый почти везде в Европе и в США подход. Так сделано и у нас, хотя есть известные недостатки.

По каким признакам? Это зависит от многих параметров. Важное требование, в частности, — наличие хотя бы подобия консенсуса в том, что дискриминационное поведение по такому признаку предосудительно. В России, например, есть такое подобие консенсуса применительно к этнической и религиозной дискриминации и нетерпимости. А вот что означает «происхождение», фигурирующее у нас в законе, непонятно.

И, определенно, список признаков должен быть закрытым. Иначе возникает правовая неопределенность, хорошо нам знакомая по понятию «социальная группа», которое должно быть удалено из этого закона. Лучше постепенно расширять перечень признаков по мере изменений настроений в обществе.

Я полагаю, далее, что публичные призывы к совершению серьезных преступлений по дискриминационным мотивам также должны быть криминализованы. Фактически речь будет в основном идти о публичных призывах к реальному насилию дискриминационного толка. По крайней мере, трудно сходу вспомнить тяжкое преступление, не связанное с насилием, которое совершалось бы именно по мотиву ненависти.

Речь именно о призывах в общей форме, а не о конкретном подстрекательстве как форме соучастия. Пример — публичный призыв к погрому, который потом состоялся и повлек многочисленные жертвы; призывавший мог не знать и даже не видеть тех, кого призывал.

Аналогично, такие призывы не могут быть сведены к угрозе убийством или насилием, поскольку таковое в нашем праве понимается только как адресное и ясно выраженное. (Опять же, даже в США неконкретно сформулированная угроза в виде сожжения креста перед домом чернокожих понимается как преступление, см. дело Virginia vs. Black 2003 года.)

Призыв может не иметь четко выраженной формы указания. Дело суда — определить, содержался ли в публичном высказывании именно призыв, иными словами — публичное подстрекательство. Это непростая задача, предполагающая, что суд способен разобраться в нюансах текста, в контексте ситуации, оценить возможные последствия.

Но это не значит, что любые потенциально опасные публичные высказывания являются преступными. Потенциально опасно может быть теоретически что угодно, и допущение такого риска — цена свободы слова.

Важный вывод из этого: всякие неопределенные формы «разжигания вражды» или любые формы унизительных высказываний дискриминационного типа следует декриминализовать и решение этих вопросов перенести в основном в сферу гражданских исков. Для этого надо подправить ГПК так, чтобы иски в защиту неопределенного круга лиц стали реальными.

Таким образом, ст. 282 радикально изменилась бы, фактически поглотив значительную часть нынешнего состава ст. 280. (Судьба ст. 280 – это другая тема, связанная с определением экстремистской деятельности в соответствующем законе. Если это определение свести к деятельности, связанной с насилием, можно разумно переформулировать и состав ст. 280.)

Наказания не должны быть связаны с лишением свободы. Крупные штрафы, ограничения в профессии вполне достаточны. Лишение свободы возможно только в случае наступления тяжких последствий.

Несколько важных замечаний

Как уже говорилось, призыв необязательно сформулирован в форме глагола повелительного наклонения. Но, за определенными исключениями, не нужны эксперты, чтобы идентифицировать текст как призывающий. Впрочем, иногда они нужны, а именно – если к специфической целевой группе обращаются на специфическом языке: тогда судья действительно не поймет текст, а адресат поймет. Чтобы исключить излишние экспертизы, надо максимально процессуально затруднить их заказ. Также надо привлекать в качестве экспертов исключительно специалистов по соответствующим целевым группам и их языку (например, листовку исламистов должен анализировать исламовед, а не социопсихолог и т.п.).

Список «мотивов ненависти» как отягчающих обстоятельств для обычных преступлений может включать также и политическую или идеологическую ненависть. Я думаю, это применимо только к наиболее тяжким преступлениям.

Понятие публичности может быть весьма проблематичным, в особенности в интернете. Закон не может вводить количественных критериев, но возможно обобщение практики. Оно должно исходить из фундаментального в уголовном праве положения, что преступлением является только деяние, представляющее реальную общественную опасность.

«Мотив ненависти» может и должен пониматься также и «по ассоциации». Например, известные нападения киргизских националистов на киргизских девушек за то, что они «гуляли с таджиками», — это тоже hate crimes. А также убийство Николая Гиренко, защищавшего жертв hate crimes.

Не имеет смысла такой паллиатив ст. 282, как Федеральный список экстремистских материалов. Вся практика в России и отсутствие подобных списков

в странах, всерьез относящихся к принципу верховенства закона, показывают, что этот механизм просто не может работать.

Невозможно забывать и о политическом аспекте проблемы. Владимир Милов в дискуссии со мной на эту тему недавно сказал, что, когда он будет президентом, он не хочет иметь власть осуждать людей за «не те слова», и потому он — за полный отказ от такой возможности. Это хорошо, что он заранее об этом думает, но в демократическом обществе не президент осуждает, а независимый суд.

Как я уже говорил, на следствие и суд в таких делах ложится большая интеллектуальная нагрузка. И да, с нынешней властью и нынешним судом трудно ждать хорошего применения даже самых прекрасных законов в данной сфере. Но, обсуждая желательные законы, мы все же должны подняться выше политического прагматизма и иметь в виду не нынешнее состояние политической и судебной системы. А в нынешнем состоянии все равно никакие либертарианские идеи в этой области воплощены не будут, так что прагматически они не имеют смысла.

И последнее: что делать в отношении уже осужденных по ст. 282 УК за преступления, не связанные с насилием? Сейчас таким образом лишено свободы точно менее десятка человек (в марте мы публиковали поименный список осужденных по «экстремистским» статьям УК без связи с насилием, тогда только по ст.282 сидело 6 человек, и с тех пор ситуация не изменилась существенно), так что особой гуманитарной потребности требовать немедленного освобождения всех сейчас нет, эти дела могут быть пересмотрены индивидуально. Те же, кто сидят за насилие, и должны продолжать сидеть (если они вдруг сидят неправомерно, то это — другая проблема).

С другой стороны, есть некоторое количество осужденных по ст. 282 явно неправомерно, явно чрезмерно сурово или просто спорно, пусть эти люди и не лишены свободы. Самый естественный пусть разобраться в их делах — добиться существенного изменения состава статьи. Это и станет основанием для пересмотра всех приговоров.

Александр Верховский

Источник: http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2012/12/d26100/

Встречи солидарности Алеся Беляцкого: Азимжон Аскаров

Алесь Беляцкий — руководитель правозащитного центра «Весна» (Беларусь), вице-президент Международной Федерации за права человека (FIDH), номинант на Нобелевскую премию мира 2012 года — отбывает срок в колонии в Бобруйске по сфабрикованному обвинению. В письмах из колонии он вспоминает о своей поездке в Кыргызстан в декабре 2010 года.

Правозащитный центр «Весна» и FIDH были одними из инициаторов встречи неправительственных организаций стран — участниц ОБСЕ в Астане. Смысл ее был в том, чтобы свежим взглядом посмотреть на те обязательства в области прав человека и демократических свобод, которые взяли на себя за годы существования ОБСЕ ее страны-участницы. Тем более что официальный саммит ОБСЕ обещал быть весьма представительным и громким. Идея проведения параллельной неформальной встречи НПО принадлежала казахстанскому правозащитнику Евгению Жовтису, который тогда находился в заключении в колонии-поселении. И уже был подготовлен доклад FIDH по результатам правозащитной миссии, которая проходила в июне 2010 года, сразу после межнационального конфликта на юге Кыргызстана, в Оше, и в которой я принимал участие. В декабре FIDH собиралась презентовать этот доклад в столице Кыргызстана Бишкеке.

Бишкек был спокойный и более добродушный. Он был совсем не похож на тот июньский Бишкек, наполненный тревожными слухами и мистическим страхом, овладевающим прифронтовыми городами. В городе было много военных, в Ош вылетали военные транспортные самолеты с ветеранами-афганцами, которые ушли в ополчение, назад они привозили раненых, женщин и детей.

И здесь, пожалуй, надо немного рассказать о нашем докладе. Его появление было неожиданным. Изначально планировался совсем другой доклад: мы собирались писать об апрельских событиях 2010 года в Кыргызстане, которые привели к столкновениям между армией, милицией и народом, и, наконец, к совершенно неожиданной смене власти. Тогда во время штурма президентского дворца погибло около ста человек. Было много вопросов, на которые мы надеялись найти ответы. Но в то время, пока готовилась миссия и искались

Толекан Измаилова и Алесь Беляцкий

деньги на нашу поездку, разразился межнациональный конфликт на юге Кыргызстана, в Оше, Джалал-Абаде, мелких районных городах, где вместе с киргизами жили и узбеки. Мы решили не отменять свою миссию, но тематика наших исследований и будущего доклада полностью изменилась. В середине июня в Бишкек мы прилетели втроем: француз, русский и белорус. Команда наша была разносторонняя: француз был ученым, россиянин был юристом-международником, а я — «чистым» правозащитником. Проработав вместе в Бишкеке пару дней, во время которых мы встречались и с омбудсменом, и с различными неправительственными организациями, и с ветеранами-афганцами, и с представителями политических партий, затем мы разделились. Мои младшие коллеги остались в Бишкеке, а я выбрался в эпицентр только что угасшего конфликта, в Ош.

Я не буду сейчас подробно рассказывать об истоках и обстоятельствах этого конфликта, скажу только то, что он имеет исторические корни. Двадцать лет назад, еще при Союзе, там уже вспыхивало. Недостаток земли, беднота, отсутствие работы, отсутствие реальных программ по совместному проживанию, — и все это наложилось на нестабильную политическую ситуацию в Кыргызстане, связанную с апрельскими событиями и сменой власти. Политическая активность узбеков на юге пугала киргизские власти, которые опасались развала страны, беднейшие киргизские городки и аилы завидовали относительно богатому Ошу и Джалал-Абаду, где мелкая промышленность, торговля в основном принадлежали узбекам. Говорят, что к разжиганию этой межусобицы и взаимной ненависти имело отношение и желание одних перехватить у других наркотрафик, который шел из Узбекистана, Таджикистана и Афганистана через Кыргызстан и Казахстан в Россию и далее в Европу. И еще, и еще, и еще. Ведь вспыхнуло из-за обычной бытовой драки между молодежью, которая мгновенно переросла в

межнациональные столкновения по всему югу со всеми ужасными последствиями, которые не поддаются описанию. Заживо горели люди, насилие и смерть залили регион. Оружия у киргизского населения было больше. Похоже, что им помогла армия и полиция — в основном, киргизская, моноэтническая по своему составу. Поэтому узбеки пострадали больше.

Я прилетел в Ош из Бишкека на старом АНе, допотопном винтовом самолетике, —- таком старом, что у него на иллюминаторах были еще не заслонки, а занавески. Ош от Бишкека отделяют горы. Дорога на машине идет через перевал и занимает весь день. Когда мы вышли из самолета, у самолета, приземлившегося вслед за нами, из моторов валил страшный черный дым (он полосой тянулся за самолетом, будто бы его подбили), и я подумал, что наша старая развалюха — еще не самый худший вариант. Аэропорт был блокирован военными. Было жарко. Они ходили в расстегнутых гимнастерках, сдвинутых набекрень касках, с автоматами, которые болтались на боку, и в приспущенных, отвисших под сумками с автоматными магазинами ремнях. На выезде из аэропорта лежали бетонные блоки, мешки с песком и стоял бронированный тягач с крупнокалиберным пулеметом, МТЛБэшка, на которой мне еще в 80-е годы довелось служить в армии.

Встретила меня моя старая знакомая Толекан Исмаилова, глава киргизской правозащитной организации «Граждане против коррупции». Мы расположились в частном отеле, который принадлежал киргизской семье. Воды в этот день в отеле не было. В водохранилище, где город берет воду, открыли шлюзы, спустили воду и достают трупы погибших людей, объяснила хозяйка, — вода будет завтра. Буквально через час меня отвезли на местное кладбище, находившееся на краю жилого квартала, заселенного узбеками, так называемой махалли. Там власти проводили эксгумацию безымянных могил, в которых были захоронены погибшие во время столкновений люди. Безымянные холмики, а их было три или четыре, раскапывали солдаты. Журналистов и гражданских на кладбище не пускали. Но захоронения были недалеко от бетонного забора кладбища, и, забравшись на кучу земли, с улицы можно было видеть, что там происходит. Температура была за тридцать жары. В воздухе стоял нестерпимый трупный запах, который все усиливался. Вот под руки вывели одного из раскопщиков, ему стало плохо, он оперся на бетонный столб, и его стошнило. Затем с кладбища выехала небольшая военная машина с брезентовым верхом, в нее навалом сгрузили трупы и повезли куда-то на судмедэкспертизу. Всего из могил достали не девять ли погибших женщин. Это были узбечки. Назавтра, как нам потом рассказали, их привезли и закопали обратно. Родственники не откликнулись, их не опознали. Большая часть узбеков из Оша еще были в лагерях беженцев или на территории Узбекистана, до которого от Оша не так далеко, либо в других узбекских городах и махаллях. До конца дня из меня никак не выветривался трупный запах.

На следующий день мы поехали в город. Он выглядел, как после войны. Людей на улицах не было. Были выжжены целые кварталы, махалли, где жили узбеки. Узкие боковые улочки были завалены спиленными деревьями, перевернутыми машинами, различным мусором. Таким образом жители-узбеки мешали проходу военных бронетранспортеров вглубь махалли. На узбекских домах, магазинах, кафе краской были нарисованы большие буквы SOS. А на киргизских — «киргиз». Мы встретили узбекскую семью, которая на пепелище своего дома собирала недогоревшие кости двух своих родных женщин. В котелок складывали куски черепа, зубы и мелкие косточки. Сценарий уничтожения, как нам рассказали погорельцы, был примерно одинаков. На улицу въезжал бронетранспортер, из которого по домам непрерывно строчил пулемет, а за ним шла вооруженная автоматами и другим стрелковым оружием толпа, в основном молодежь. Они били, насиловали, убивали, выносили из домов все ценное имущество, а затем дома сжигали. Вражда была обоюдная. Сжигали и дома киргизов, которые стояли в окружении махалли. Соседи, которые жили десятилетиями рядом, будто бы сошли с ума. Но были и другие случаи. Лепешками в своем доме угощала нас старая киргизка, которая спрятала у себя соседские семьи узбеков, более 50 человек, и не пустила разъяренных, опьяненных кровью погромщиков на порог своего дома.

Все уцелевшие в городе кофейни были закрыты, и нас кормили в узбекских и киргизских домах чем могли, так как большинство магазинов также не работало. Вечером хозяйка отеля приготовила ужин. Мы ели молча, подавленные тяжестью увиденного и услышанного. В городе изредка, в вечерней тишине, были слышны выстрелы.

На следующий день у нас была встреча с представителями ошских неправительственных организаций. Казалось, что они сами не верили в то, что произошло в Оше за последние две недели. У некоторых из них погибли родственники, некоторые сами чудом спаслись. Собрались в основном женщины. Мужчины еще опасались показываться на улицах и сидели в укрытиях. Они обсуждали, что в первую очередь неправительственные организации могут сделать для беженцев. Затем мы ездили в приошские аилы. И в одном из них, пока мы сидели и разговаривали со старшими киргизами, пили зеленый чай и щипали лепешки, нам в машине повредили прокрутку колеса. И оно отлетело, когда мы уже выехали с горного серпантина на ровную дорогу в долину. По-видимому, целью злоумышленников были смелые киргизки Толекан и Азиза. Это они прилетели в Ош на военном транспортном самолете еще в разгар столкновений. Это они первые договаривались о провозе в осажденные махалли хлеба и воды. Это они, дозвонившись президенту Розе Отунбаевой, остановили спецоперацию в одной из махаллей, в ходе которой военные начали стрелять по жителям, убив и ранив несколько человек. Я удивлялся и восхищался смелостью этих женщин, которые рисковали собственной жизнью.

Алесь Беляцкий, Турсунбек Акун и Суэр Белассен, совместная правозащитная миссия в Кыргызстане

Вот им и пытались организовать «несчастный случай». А мы с российской журналисткой Оксаной Челышевой уже оказались в машине заодно. Ко всему, вечером мы встречались с узбечкой, которую изнасиловали полицейские. Она была в истерике, плакала и стонала, рядом лежал ее избитый до беспамятства родной брат, мать с огромным синяком на бедре от удара автоматом, молча сидели ее сын и дочь. А она сквозь стоны и плач рассказывала нам, как все произошло. И вот тогда я почувствовал полное свое бессилие. Тихо плакала Толекан и успокаивала изнасилованную узбечку, гладя ее по голове.

А назавтра Толекан и Азизу вызвали в областную прокуратуру, развели по разным кабинетам и учинили им допрос. Мы с Оксаной названивали по телефонам в Москву и Париж. Как рассказала потом Толекан, пожалуй, наше присутствие, звонки и то, что информация о допросе мгновенно появилась на сайтах, приостановили намерение прокурорских сотрудников арестовать правозащитниц.

Вот с таким грузом увиденного и услышанного я вернулся в Бишкек. Понятны были и выводы подготовленного нами доклада. Они были неутешительными для киргизских властей. И одна из рекомендаций, на которой мы

настаивали, была — освободить необоснованно задержанных граждан, в основном узбекской национальности, и среди них — правозащитника Азимжона Аскарова.

Азимжон Аскаров — правозащитник из небольшого южного городка Базар-Коргон, ему уже за 60 лет. Он член регионального отделения правозащитной организации «Граждане против коррупции», и, соответственно, как местный правозащитник, боролся и доставал местные власти вследствие этой самой коррупции и других непорядков, которых в провинции хватает. Обычно ходил он с блокнотом, фотоаппаратом и диктофоном, писал много жалоб, обращений, сообщений. Есть и у нас в Беларуси такие неуемные правозащитники, к которым жители обращаются по разным причинам и на которых власти и правоохранители за годы их активности имеют зуб. Следует добавить, что живут в Базар-Коргоне преимущественно узбеки, а администрация и полиция — в основном, киргизы. И, когда начались межнациональные столкновения в июне, начальника районной милиции растерзала разъяренная толпа. Похватали предполагаемых преступников, а заодно и Азимжона Аскарова, который, кстати, письменно перед этим предупреждал власти об эскалации напряженности в отношениях между киргизами и узбеками и просил принять меры, которые бы предотвратили взрыв. Его, который бегал по Базар-Коргону и снимал на фотоаппарат, как пылают-горят дома узбеков, обвинили в участии в убийстве полицейского и в подстрекательстве к кровавым столкновениям, в разжигании межнациональной розни и организации массовых беспорядков. «Свидетели» нашлись из киргизов-полицейских. В результате суд приговорил его к пожизненному заключению.

Толекан добилась нашей встречи с Азимжоном. Причем мы просили, чтобы эта встреча проходила перед нашей следующей встречей в администрации киргизского президента, где мы должны были презентовать свой доклад.

Машина ехала в тюрьму. Мы все молчали. Свидание проходило в кабинете у начальника тюрьмы. Кабинет был сделан в старые советские времена да таким и остался: большой буквой Т стол, шкаф в светлой фанеровке «под сосну». Разве, что вместо красного СССРовского флага сейчас висели киргизский флаг и герб. В кабинете пахло застарелым папиросным дымом. Такой запах встречается еще в дешевых отелях, где в номерах разрешают курить. Начальник тюрьмы выслушал наши представления, затем представился сам и сообщил, что его задача здесь — охранять осужденных и обеспечивать им условия содержания: размещение, питание, медицинскую помощь. И все. А все остальное — обвинения, вердикты, приговоры, обжалования — это дело прокуратуры, суда и самих заключенных. И все заключенные для него одинаковы. Мы выслушали его и закивали головами: да, так и должно быть. Затем вошел Азимжон Аскаров — худой, одетый в робу, коротко подстриженный, с выразительными блестящими черными глазами. Подхватилась с

кресла Аида, оба посмотрели на начальника тюрьмы, тот согласно кивнул головой, и они бросились в объятия друг другу. Они стояли обнявшись, узбек и киргизка, и громко плакали, не скрывая, что не в силах сдержать ни плача, ни слез. Плакали и мы — смотреть на все это без слез было просто невозможно. Только начальник колонии сидел с лицом азиатского тысячелетнего сфинкса, на котором ничего не отражалось.

Я увидел, что женщины были не в состоянии говорить, и первым начал разговор с Азимжоном. Вопросы были банальными и традиционными. Сейчас я десятки и сотни раз услышал их в свою сторону, а тогда задавал сам: «Как ваше здоровье, Азимжон? Как вы чувствуете себя? Что вам нужно?» Со здоровьем в этой тюрьме-больнице у него было лучше.

Он сам начал рассказывать о том, как тогда, в день задержания, бегал по Базар-Коргону, снимал горящие дома узбеков и как затем его задержали полицейские, которых он перед этим постоянно критиковал за применение насилия к задержанным, и как его избивали почти без перерыва в течение суток, требуя признания в организации убийства полицейского. Он выдерживал, упорно не признавался. Тогда ему сказали, что сейчас поедут к нему домой, привезут его жену и будут насиловать у него на глазах. И они поехали забирать его жену. Он сказал, что в ту минуту был готов подписать что угодно, лишь бы не допустить этого. Но буквально за пару часов перед приездом полицейских его жену вывезли и спрятали киргизские правозащитники. Полицейские вернулись с пустыми руками и продолжили пытать Азимжона. Его били три дня. Он так и не подписал признательные показания. Затем его отправили в тюрьму в другой город, в Таш-Кумыр, а затем в Ноокен. Там его уже не избивали. Хватало для этого среди задержанных более молодых и здоровых узбеков. У Азимжона от побоев и нервного стресса перестал работать кишечник. И его спасли от смерти уже в этой тюремной больнице. «Где ваша жена сейчас, — спросил я, - в безопасности?» «Да, — кивнул он головой, — она в Узбекистане». «Что вам нужно, Азимжон?» — спросил я у него. «Газеты и бумага для рисования», — ответил он. Аида пообещала передать бумагу и краски буквально завтра. Азимжон здесь постоянно рисует, и коллеги-правозащитники передают ему бумагу уже не первый раз.

Мы проговорили с Азимжоном больше часа. Я ему рассказал о конгрессе неправительственных организаций в Астане: о том, что вопрос об его освобождении приобрел международный резонанс. «Вы берегите себя, — говорил я ему, — держитесь, сильно не переживайте, а мы добьемся вашего освобождения». Но судьба распорядилась так, что через восемь месяцев я уже сам оказался в тюрьме, и киргизские правозащитники, мои уважаемые коллеги и подруги Толекан, Аида, Азиза пикетировали белорусское посольство в Бишкеке с требованием освободить меня.

В тот же день я должен был представлять наш доклад в администрации киргизского президента. На эту встречу пришел руководитель администрации президента и шестеро заведующих отделами. Также была единственная женщина — заведующая отделом из МИДа. Я им ровным голосом изложил результаты нашей миссии, выводы и рекомендации. Отдельно, от имени FIDH, потребовал освобождения Азимжона Аскарова. «Такими вопросами у нас занимается независимый суд, в данном случае кассационную жалобу Аскарова рассматривает Верховный суд», — сказал глава администрации. В этот момент отворилась дверь и вошел омбудсмен. Не успев сесть, он объявил, что лично занимался делом Аскарова и убежден, что тот невиновен. Заведующие отделами сокрушенно вздохнули, я не выразил никаких эмоций. Их у меня просто не было.

С Азимжоном Аскаровым я встретился еще раз заочно в октябре 2011 года на международном фестивале правозащитных фильмов в Бишкеке, где нам с ним и еще казахстанскому правозащитнику-заключенному Евгению Жовтису вручили (понятно, что заочно) правозащитные дипломы.

Май 2012 года, Бобруйск
Источник: http://freealesbialiatski.posterous.com/167006966
http://spring96.org

Алесю Беляцкому (приговорен к 4,5 года лишения свободы в колонии усиленного режима) можно написать по адресу:
213804, Беларусь, Бобруйск, ул. Сикорского, 1; ИК-2, отряд 14.

Азимжону Аскарову (приговорен к пожизненному лишению свободы) можно написать по адресу:
720755, Кыргызстан, Бишкек, ул. Маликова, д. 91,
Исправительное учреждение №47 ГСИН
при Правительстве Кыргызской Республики

«Еду в Магадан»

Игорь Олиневич, «Еду в Магадан» — маленькая книжка, серая бумага, плохая печать. Самиздат в его самом грустном, убогом виде.... Держишь в руках и думаешь: неужели там (в Беларуси) все так плохо? Неужели нельзя получше издать, сверстать, напечатать?

Игорь Олиневич

Читаешь и понимаешь: там так плохо, что, даже постоянно следя за судьбами политических заключенных, даже жадно ловя все обрывки информации, не можешь до конца представить себе и поверить, — там, совсем рядом, сейчас — действительно плохо.

Эта книга стоит в ряду сотен книг о лагерях, тюрьмах, застенках XX века — Примо Леви об Освенциме, Евгении Гинзбург о ГУЛАГе, Анатолия Марченко о советских постсталинских зонах. Книги, не просто рассказывающие миру об ужасах, пытках, системе уничтожения личности, но и о том, как люди остаются людьми, хотя уже и сами порой не верят в свою человечность. Только это уже XXI век. Это — наше время, наша ответственность и наша беда.

Игорь Олиневич, как и десятки других, — политический заключенный современной Беларуси, один из сотен прошедших ад следственной тюрьмы КГБ в Минске («Американки»), один из десятков тысяч других заключенных тюрем и лагерей этой страны, нашего «союзного государства». На его долю выпали пытки, кошмарные допросы, избиения «масками» в коридорах и камерах «Американки». Олиневич не только выстоял, но и сумел рассказать об этом, поделиться своим опытом — практическим и эмоциональным:

«На душе навсегда останется отпечаток этого дома, красного дома. Никогда не забыть мне то измерение, когда внешний мир распадается, когда умирает даже надежда, когда не существует ни времени, ни пространства. И в этой константе жизнь сворачивается в клубок чистого страха и чистой воли. Последний раз оглядываю эти массивные и суровые стены, коридоры, лестницы, поручни, вышку, мотки проволоки, железные двери. Сотни деталей, и все образуют единый монолит, наделенный одной целью — растоптать личность. Но именно в этом аду, благодаря этому кошмару, я смог заглянуть в себя и понять...»

Олиневич и сам понимает, что его место в ряду миллионов людей, чьи судьбы и жизни ломали во все века системы государственного насилия и произвола: «Сколько людей прошло через тюрьмы и лагеря, гонения и пытки. Много раз я читал о них и знаю, что этим людям приходилось по-настоящему тяжело. Сколько их сгинуло в крайней нужде и безвестности. И все равно шли, все равно не смирились. Эта борьба — противостояние свободы и рабства — красной линией проходит через всю историю человечества. Менялись эпохи, цивилизации, названия, но суть оставалась той же: антагонизм устремлений простого человека и устремлений господ (рода, веры, денег, положения). Человек vs власть, во все времена. Я — лишь маленькая частица в этой стихии чувств. Мыслей, действий. Как капля в океане: без меня он меньше не станет, но сам полностью состоит из таких вот капелек, и каждый вносит свою лепту в общий ритм океанического биения. Пускай каратели делают со мной что угодно, я все равно победил...»

Эта книжка — не просто свидетельство, правдивый и жуткий рассказ о преступлениях белорусского режима. Это и не только интересное описание современной белорусской карательной системы, хотя благодаря сокамерникам — бывшим прокурорам — автору удалось многое понять о том, как фабрикуют дела, фальсифицируют доказательства, уничтожают конкурентов. В первую очередь, «дневник» писался для своих: для активистов, антифашистов, анархистов. В ней много ненавязчивых советов, полезных наблюдений.

Свои взгляды, принципы и теории Олиневич проверял собственным опытом: говоря об эксплуатации, он вспоминают свою работу на борту американского лайнера, об антифашизме — упоминает о том, как в конце 1990-х «на улицах шла невидимая война, постоянно происходили какие-то события, концерты, тусовки, собрания, стычки, политические акции». Своим опытом делится автор и предостерегая от ошибок на допросах или в ходе «бесед» с тюремщиками: «Любое обходительство с их стороны — есть элемент паутины, призванной вызвать подсознательное доверие. Практикова-

лась подстройка через присоединение к системе ценностей (согласие с рядом ваших мыслей), а также отзеркаливание (копирование позы)».

Заключенному необходимо быть готовым к моральному сопротивлению не только на «жестких допросах», но и в «неформальной обстановке». Олиневича не раз вызывали на личные беседы с гэбешным психологом, «хозяином «Американки»: «В кабинете находился красивый сервиз, пряники, коньяк — все, как в фильмах. Никаких чаев с карателями! Я так сразу и заявил, и повторял каждый раз, когда начальник предлагал. Люди почему-то думают, что это — мелочи... Он мог исподтишка поинтересоваться мнением о сокамернике. Собственное мнение сделать твоим за счет отрицания еще более неприемлемой позиции и т.п. Все время мне приходилось быть в максимальном напряжении: следить за каждым словом, следить за ходом мысли (его и своей), следить за диалогом в целом. Это очень непросто. Всегда есть опасность высказать мнение или какую-то деталь, которую он для правдоподобности сможет вплести в разговор с другими заключенными, посеяв тем самым сомнение и раздор».

Но и обычные следователи на допросах сове дело знают туго — пугают (насилием, пытками, расправой сокамерников). Льстят, дают ложную надежду: «говорят, что понимают твое положение, сами верят в твою невиновность, но нужно дать показания, чтобы помочь, ведь «ты — нормальный парень». Могут применить и насилие, начиная с угроз и кончая имитацией.... На серьезное насилие и пытки, как и на осуществление расправ в камере, как правило, не идут. Хотя, в качестве исключения, все может быть. Историй хватает. Люди терпят, не сдаются, выходят победителями».

Ст.

Игорь Олиневич получил восемь лет.
Ему можно писать:
Олиневичу Игорю Владимировичу, 211440, Беларусь,
г. Новополоцк Витебской области, ул. Техническая, 8, ИК-10,
отр. 12.

Жаркое лето Памира

«Война…
как много и как мало в этом слове смысла…

Порой его не разгадаешь и вряд ли все поймешь…

В тот день, что между миром и
Памиром жизнь моя зависла…

Всех чувств моих ты не узнаешь…
и вряд ли смысл правды здесь найдешь…»

Заррина Асаншоева

Памир – край, который с давних времен привлекал внимание и интерес великих держав. Его называли «золотыми воротами», «шлюзом» и «мостом» в далекие неизведанные восточные страны: здесь пролегал Великий шелковый путь. Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) – самый большой, но малонаселенный регион Таджикистана. Административный центр области город Хорог расположен в 520 километрах к юго-востоку от Душанбе. Живут здесь около 30 000 человек, большинство из них — памирцы-исмаилиты. И из-за месторасположения, и из-за этнического состава и культуры населения ГБАО всегда была несколько автономна. Мы, памирцы, ощущали дискриминационное отношение к себе со стороны этнического таджикского большинства, это обострилось в период гражданской войны в 1990-е годы. Прошло уже немало времени. Мир и согласие в стране дались нам всем с трудом, но памирцы стали более лояльно относиться к Таджикистану и считать себя частью страны; они старались, чтобы таджики перестали считать их «другими», носителями других языков, культуры, религии, чтобы они увидели в памирцах своих соотечественников.

Но это хрупкое равновесие этим летом пошатнулось — в ГБАО произошел вооруженный конфликт, свидетелем которого я стала.

24 июля 2012 года около четырех часов утра жителей города Хорога разбудил грохот гранатометов. Гул очень страшно отдавался эхом в горах, было

такое впечатление, что горы «плачут». Обстрел вели правительственные войска, как выяснилось потом, в ходе «спецоперации». Местное население не было оповещено и тем более эвакуировано, никто ничего подобного не ожидал. Неудивительно, что у нас возникло чувство незащищенности и страха, мы не знали, куда бежать, что делать, — ведь казалось, что вокруг все взрывается... Гибелью мирных жителей, плачем детей и матерей, горем, страхом и ненавистью был наполнен июльский день. Казалось, даже природа была напугана всем происходящим: не было слышно птиц, шелеста листьев, лая собак, все куда-то исчезло и затихло, то надвигались тучи и поднимался ветер, то снова небо прояснялось.

В чем же причины этой «спецоперации»? По официальной версии, это было задержание лиц, подозреваемых в убийстве генерала Госкомитета национальной безопасности ГБАО Абдулло Назарова. В маленьком городе Хороге, где «все всё про всех знают», репутация у него была плохая: говорят, он был замешан в контрабанде табака. В причастности к убийству Назарова подозревали Толиба Айембекова, который 21 июля 2012 года был в командировке и направлялся на служебной машине в Хорог из Ишкашимского района. Толиб Айембеков – это бывший полевой командир, воевавший в годы гражданской войны (1992–1997) на стороне Объединенной таджикской оп-

позиции (ОТО) против Народного фронта, он же «неформальный» лидер и авторитетный человек в области. До событий на Памире и до обвинений в его адрес подполковник Айембеков был начальником штаба войсковой части №2703, расположенной на территории ГБАО.

Надо сказать, что официальная версия в глазах местных жителей выглядит довольно натянутой: еще задолго до «спецоперации», в мае 2012 года, «для учений» в регион были стянуты дополнительные правительственные войска и боевая техника. В Хороге находилось около 4 тыс. солдат правительственных войск, спецслужбы Таджикистана, бронемашины, вертолеты. Так что произошедшее больше напоминало нападение извне, чем спецоперацию внутри страны. Разве может государство направить в регион такое количество войск только из-за убийства одного человека? Кроме того, операция, которая должна была длиться, по словам представителей власти, всего 3 часа, длилась все 14 часов, не прекращалась стрельба и грохот гранатометов, — казалось, это будет продолжаться вечно. Потери среди мирных жителей и солдат были гораздо больше, чем говорили в государственных СМИ, что способствовало еще большей панике среди населения Хорога и ГБАО. Почему уголовное преступление — убийство генерала — вызвало совершенно асимметричную, неадекватную реакцию? Почему не было расследования, а сразу началась «зачистка»?

Подобные военные операции — не новость для Таджикистана. Они были проведены в Раштской долине в 2010 году, в Кулябе, Согдийской области. Видно, наступила пора и для ГБАО. Но власти не приняли во внимание, что ситуация в Бадахшане несколько другая: когда здесь возникают проблемы, народ сплачивается, в акции солидарности включаются и те памирцы, которые находятся вдали от родины. Многочисленные митинги протеста с требованием немедленно остановить военные действия в ГБАО и вывести оттуда войска прошли в странах, где есть памирские диаспоры: в России

(Москва, Санкт-Петербург и Екатеринбург), Америке (Вашингтон и Нью-Йорк), Кыргызстане (Бишкек) и Казахстане (Алма-Ата).

Благодаря обращению к народу ГБАО нашего принца Карима Ага Хана IV, религиозного лидера исмаилитов мира, население Хорога успокоилось, у людей появилась вера и надежда, что весь этот ужас прекратится. Начались переговоры с правительством. Но ни один официальный представитель власти за почти три недели спецоперации в Хороге не объяснил, насколько законно применение армии внутри страны без введения чрезвычайного положения и специального указа президента. Ведь погибли в том числе и молодые таджикские солдаты, используемые как «пушечное мясо» в этой неправильной и ненужной военной операции.

До 10 августа 2012 года ни один из пунктов соглашения не был нарушен со стороны бывших полевых командиров. Население Хорога сотрудничало с властями, люди сдали оружие, которое у них было для защиты себя и своих семей. Местные жители города надеялись на скорейшее урегулирование этой непонятной ситуации – на вывод войск, они устали жить в страхе и напряжении, устали от неопределенности. Ведь такое огромное количество солдат и военной техники на столь малой территории нагнетало обстановку.

Однако со стороны правительственных сил соглашение не выполнялось, и произошли один за другим случаи, которым нет оправдания: расстрел машины с мирными жителями (погибло три человека и один ранен), были различные провокации со стороны военных. Трагическим инцидентом, опять вызвавшим народные волнения, стало убийство неформального лидера города Имомназара Имомназарова, который выступал за мирное урегулирование конфликта и добровольно сдал оружие ради мира и спокойствия в ГБАО. Имомназаров был уважаемым человеком в области, его выбрал народ без каких-либо голосований, видя в нем защиту и опору в трудных ситуациях. Он имел авторитет больший, чем любой другой мэр города, области, прокурор, министр. После его смерти несколько тысяч человек вышли на митинг, они требовали найти убийц и начать расследование, а также прекратить беззаконие и произвол в регионе. Начались беспорядки, народ начал требовать возврата оружия, так как появились опасения, что снова начнутся военные действия, а защищаться придется самим.

После многотысячного митинга было подписано соглашение между правительством и народом ГБАО, которое позволило прийти к компромиссу и взаимопониманию. Среди условий соглашения были: вывод из области большей части войск в течение 20 дней, амнистия всем участникам митингов,

справедливое расследование гибели Имомназара Имомназарова, отставка руководства ГБАО и областных депутатов, а также выборы руководства (оно уже не будет назначаться напрямую из Душанбе, а будет выбираться на месте самим народом ГБАО, на основании статуса автономной области).

После мучительного периода гражданской войны жители ГБАО только начали ощущать себя полноправными гражданами Таджикистана. Военная операция создала атмосферу недоверия к правительству Таджикистана. Шаткое равновесие вмиг исчезло, в воздухе «запахло» обманом, ненавистью, несправедливостью, беззаконием и грязной политикой. К сожалению, представители власти не хотят признавать свою вину в событиях в ГБАО, не соглашаются считать их нарушением прав граждан и преступлением против своего же народа. Нужны реальные усилия для решения проблемы общественного недоверия к правоохранительным органам, которых считают коррумпированными и неэффективными. Жители Бадахшана давно не видят в трех ветвях власти Таджикистана никакой справедливости, именно поэтому в обществе появляются «неформальные лидеры».

2 сентября 2012 года было 40 дней с момента трагических событий в Хороге, в результате которых погибли мирные жители и молодые солдаты. В этот день скорби и боли группы таджикских «фейсбукчан» объявили «Полчаса молчания» — бойкот операторам мобильной связи Таджикистана: ведь на протяжении целого месяца родственники пытались дозвониться до своих семей, но сотовая связь во всей ГБАО была отключена — без судебного решения, как это требуется законодательством РТ. Никаких извинений не последовало, лишь министр связи предложил довольно нелепое объяснение произошедшего: якобы, связь была нарушена «прямым попаданием пули в провода телефонной линии». Организаторы акции солидарности хотели «дать понять, что должна быть справедливость, чтобы права человека учитывались и были превыше всего в стране, чтобы за любое нарушение и бездействие виновные несли ответственность».

Пережив все эти события, понимаешь, что в жизни самое ценное — это мир, согласие и спокойствие там, где живут родные и близкие тебе люди. Поэтому очень тяжело осознавать, что мир может обрушиться в один миг и ты ничего не можешь сделать: все, что сейчас происходит в моей стране, больше напоминает «игру», где мы лишь пешки. Но многое в наших руках и силах — особенно стоит надеяться на образованное молодое поколение Таджикистана и Памира.

Е.Н.

По сообщению агентства ferganаnews, 3 ноября 2012 года актера московского Театра.Doc Абдула Бекмамадова, гражданина Таджикистана, избили футбольные фанаты, в числе которых были и девушки.
«Меня сразу ударили кулаком в голову, — сказал он, — в руке нападавшего был кастет. Я помню только первый удар, пошла кровь, дальше стали бить — но в глазах потемнело, и я сознание потерял».
В больнице оказались Абдул, его брат Алим (ему сломали нос, выбили зубы) и случайно проходившая мимо девушка-узбечка.

И тут мне повезло... «Акын-опера» в московском Театре.doc

Кто приходил на плов-party «Ферганы» в Хохловском переулке, тот уже слышал, как они поют и играют, — эти строители и уборщица, приехавшие в Москву с Памира. За каждым из них – история, которая похожа на миллионы таких же историй гастарбайтеров: как добрался до Москвы, как искал работу, как обманывали, как хотелось есть — а может, и умереть, — и как, в конце концов, «повезло», и через 12 лет мытарств у них уже есть работа и зарплата…

Режиссер Всеволод Лисовский придумал проект «Акын-опера», премьера которого намечена в московском Театре.doc на осень. На сцене — три человека, которые в прошлой жизни, у себя на Памире, были актерами, а сегодня работают в Москве. Абдулмамад Бекмамадов и Аджам Чакобоев, музыканты и аритисты, выступавшие когда-то на сцене Дома культуры в Хороге, сейчас по двенадцать часов в день, без выходных, работают отделочниками на стройке. «Я сначала подумал: как я возьму шпатель после аккордеона? Но ничего, жизнь заставила, — говорит Абдулмамад. — Повезло». Покизо Курбонасенова в прошлом — актриса театра в Хороге и певица душанбинского фольклорного ансамбля «Ганджина» — сейчас уборщица в офисе: «Встаю в четыре тридцать, чтобы на первом поезде метро приехать на работу. В шесть тридцать я уже на работе, и так до вечера. А после работы приехала в театр, к вам. Я всегда хотела быть актрисой, звездой… Но мне не повезло — я рано вышла замуж…»

«Повезло» или «не повезло» — так актеры называют причины своих злоключений или удач, о которых очень дозировано рассказывают московской публике. Ни обид, ни обвинений. Новеллы чередуются с песнями, которые Покизо поет на таджикском, на фарси и на шугнанском языках, Аджам подыгрывает ей

на торе, Абдулмамад выстукивает ритм на дойре. «Это наши песни, старинные, мы их с детства знаем», — говорит Абдулмамад.

Протяжно, в покачивающемся ритме каравана, поет Покизо о тоске по дому, завершая историю Абдулмамада, как он несколько дней ехал из Таджикистана до Саратова, и их встретили «наши друзья милиционеры». «Мы с другом показались им странными — а мы не ели четыре дня, конечно, были подозрительными… Пока все в милиции выяснили, наш поезд на Москву уже ушел», — Абдулмамад улыбается, музыка тихо играет. «Мы думали – надо ехать домой. Сидели на вокзале. Подошел человек, спросил, что случилось. Я сказал, что нужна работа. Он сказал — есть нормальная работа. Мы обрадовались. Приходим — нужно разобрать подвал, там работы на четыре часа с перекурами. Мы радовались. Через два часа все готово, выходим – а где Руслан? Нет Руслана. Только охрана вокруг. Руслан забрал все наши деньги...»

Абдулмамад улыбается — зачем его жалеть, у него все хорошо, он играет на сцене, у него есть работа. «Такие истории со всеми происходят, а мне повезло». Повезло, да. Он в 1999 году уехал из Таджикистана, сразу, как кончилась война. Его сыну в день, когда он уезжал, исполнилось три дня, — но он уехал, и вряд ли кому нужно объяснять, зачем. У Абдулмамада трое детей.

Приехал в Москву — встречали его «милиционеры с тёплыми душáми», забрали паспорт, все деньги, а в паспорте был адрес человека, который обещал помочь устроиться на работу… Он ночевал сначала на лавке возле вокзала, потом к нему подошла землячка, предложила ночлег и сказала: пойдем, вымоешься, поешь. Он думал, повезло. А она жила в подвале, и вместо теплой ванны — ведро нагретой воды. Все равно повезло. Повезло!

Потому что через день он пришел к воротам стройки, и у него не было там никаких знакомых. Но охранник, узнав, что Абдулмамад — таджик, сказал: «Тут много ваших работает», — и позвал кого-то. И этот кто-то оказался музыкантом. «Мы обнялись — и жизнь начался похорошее». Звучит веселая песня. Зал ритмично хлопает.

Покизо принарядилась к спектаклю: на ней розовая кофта с надписью RoccoBarocco вдоль предплечий, на ногах — лосины в крупную сетку, в ушах блестящие серьги. Она сидит на стуле, выпрямив спину и глядя в зал, нарядная, и поет, прищелкивая прямыми пальцами, — я первый раз вижу, чтобы человек так умел.

«Я вышла на стену…» — начинает свою историю Покизо. Я вздрагиваю и напряженно вслушиваюсь. Нет, не на стену — на сцену. По-русски актеры «Акын-оперы» говорят, как умеют. Мы понимаем, как можем. Достаточно, чтобы услышать главное.

«Я мечтала быть на сцене, петь, я думала — буду звездой. Хотела учиться в Институте Искусства — но мне не повезло, я вышла замуж, мне не было восемнадцати лет. Родители хотели. У нас так принято: если родители хотят — ничего сделать не можешь…»

«Да, не можешь», — кивает Абдулмамад, постукивая на домре в ритм рассказа Покизо.

«Полтора года жила с мужем, больше не смогла. Как слышала музыку —было так больно, тяжело! Сын родился — и мы развелись. Я отдала сына маме и сказала, что хочу поступать в Институт Искусства. Я выучилась и поступила в Областной городской театр имени Рудаки, в городе Хорог». Повезло. Но потом в Таджикистане началась гражданская война.

Покизо не рассказывает про войну, коротко сказала — не было перспективы. А ведь она уже посмотрела, какая бывает жизнь, — с душанбинским ансамблем «Ганджина» Покизо ездила на гастроли во Францию. «Я смотрела Францию, французские башни, — Покизо не хвастается, она с удовольствием делится самым лучшим воспоминанием. — Я была Амстердам, Германия. Очень чистый город». Покизо рассказывает, как уснула в транспорте (а может, на остановке, или на скамейке в парке, — неважно), положила сумку рядом, а проснулась — сумки нет. А в сумке — и деньги, и документы: «И я полтора дня была в полиции. Очень хорошее воспоминание!» Покизо не шутит. Ей есть с чем сравнивать и ту полицию, и те города, и те страны.

Она приехала в Москву в 2001 году: «Я работаю. Уборщицей. После артистки уборщицей очень тяжело». Но сын вырос, выучился в Душанбе, сейчас приехал в Москву, тоже на заработки. Работает в магазине. А в Душанбе у сына — жена и маленький сынок, трехлетний. «Я бабушка», — говорит Покизо. Зал аплодирует.

Снова звучит веселая песня. «Чай попей», — протягивает ей кружку Абдулмамад. «Сладкий, — говорит Покизо. — Сейчас жизнь сладкая у меня».

«Вы же не обо всем рассказываете», — подхожу к Покизо после спектакля. «Нет, конечно, — отмахивается. — Один раз упала, под дождем, в больницу попала, не понимала, где я...» Но она не хочет об этом рассказывать. Она — артистка, RoccoBarocco, с блестящим «крабиком» в волосах. «У вас очень красивый голос», — говорю я. «Мне не повезло», — отзывается Покизо.

Абдулмамад рассказал, как ездил домой — единственный раз за все четырнадцать лет эмиграции. Собрался в 2004-м, купил билет на самолет, который вылетал в 12.30. И часов до 11 брился, одевался, — и конечно, опоздал. Позвонил — мол, не надо встречать. Невестка не поверила в такую причину, стала ругаться: это, мол, все отговорки, ты не хочешь домой. И предложила условие: если в аэропорту Душанбе узнаешь сына, — покупают тебе обратный билет. И Абдулмамад полетел.

«Прилетаю, смотрю — стоит брат с женой, и возле них двое мальчишек. Один вертится, и видно, что ему ничего не интересно, потому что и папа, и мама тут, с ним. А другой — подался вперед, смотрит на меня. И я его узнал, и он меня узнал, мой сын. И мы обнялись…»

Но тот визит был единственным, больше Абдулмамад дома не был: билет стоит дорого, важнее отправить домой деньги. В Таджикистане у него подрастает сын и взрослеет дочь, которая учится в университете в Хороге. Вторая дочь уже приехала в Москву и учится в аспирантуре Института этнологии и антропологии РАН. Это очень круто.

И здесь бы хорошо запеть какую-нибудь песню, в которой бы говорилось о доме, любви, тоске и о том, что все будет хорошо. Что нам всем повезет.

Режиссер и автор проекта Всеволод Лисовский:

«Никто точно не знает, сколько трудовых мигрантов из стран Южного Кавказа и Средней Азии живет в России и Москве. Очевидно, что их миллионы. Помимо того, что эти люди живут в режиме постоянного нарушения своих человеческих прав, подвергаются безжалостной экономической эксплуатации, они еще находятся в ситуации культурной изоляции. Со своей национальной традицией они разделены территориально, а с традицией страны пребывания — ментально.

Нам представляется, что отсутствие нормального культурного взаимодействия между «старыми» и «новыми» жителями нашей страны опасно для обеих сторон.

Наши «актеры» — сами мигранты, они реально работают на стройках и автомойках (по 12 часов в день без выходных), но при этом они владеют секретами импровизации. Спеть о своих проблемах для них важнее, чем простострассказать об этом прозой. Цель проекта — создать действо, равно интересное и россиянам, и мигрантам. И принципиально важно — с помощью самих мигрантов, используя методы национальных культур стран Средней Азии и Южного Кавказа» .

Подготовила Мария Яновская

Международное информационное агентство «Фергана»

Источник: http://www.fergananews.com/articles/7401

АНТИФАШИСТСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: НУЖНО ЛИ ПОДДЕРЖИВАТЬ «ЧЕРНЫХ ЯСТРЕБОВ»?

8 октября 2009 года Московский суд приговорил шестерых студентов кавказского происхождения к срокам от 4 до 7 лет: Дильгам Гусинов (7 лет), Грант Арутюнов (6 лет), Чингиз Арифуллин (4,5 года), Рамил Садыхов и Шахин Худиев (4 года), Рашад Мамедов (5 лет в воспитательной колонии).

По официальной версии, все эти молодые люди были приговорены по обвинению в нападении «на национальной почве» в метро на двух студентов славянской внешности в мае 2008 года. К тому же они сами себя сняли на видео, что было не очень разумно с их стороны, так как видеозапись позволила их в скором времени арестовать.

Сразу же начались разговоры о «кавказском национализме», «расизме» и даже «фашизме». Говорят, на видео во время нападения они кричали «Русские свиньи!». Некоторые даже слышали «Смерть русским!». И чтобы еще больше очернить их, приплели торговлю наркотиками (о чем упоминала сторона обвинения, но что абсолютно не было доказано) и исламский фундаментализм, потому что во время нападения они кричали «Аллах акбар!», что «без всякого сомнения» доказывает их «идеологическую близость с бен Ладеном»!

Наблюдая это из-а границы, я подумал, что это уже слишком. Очень подозрительно: «огромная» армия из 7 молодых людей, большинство из которых на момент событий были несовершеннолетними, решают устроить погром русских в самом центре Москвы! Это перебор! Вскоре, кстати, оказалось, что бедные «невинные жертвы» были неонацистскими активистами.

Очень немногие, даже в рядах антифашистов, провели параллели с автономными группами самозащиты, которые возникали среди всех меньшинств, подвергавшихся нападениям. Самые знаменитые из них — афроамериканские «Черные пантеры» (стоит отметить явное схоство в названиях «Черные пантеры» и «Черные ястребы»). Можно также вспомнить еврейские боевые отряды против погромов 1905 года, или Indian American Movement, или группы самообороны жителей кварталов в Великобритании… У всех этих случаев есть одно общее условие: «если сообществу угрожают как таковому, сообщество может рассчитывать только на себя, чтобы самостоятельно обеспечить свою защиту».

Вспомним, что «Черные пантеры» — это негритянская революционная группа, которая образовалась именно на принципе самозащиты сообщества. Их тоже обвиняли в расизме по отношению к белым (ругательство «Белые свиньи!» в адрес полицейских или расистов из Ку-Клукс-Клана) и черном национализме («black power»). При этом они сотрудничали с различными революционными группами из других меньшинств и с белыми левацкими группами (среди которых антирасисты и антиимпериалисты из «Weathermen»). Но главное было в желании думать и действовать автономно, чтобы никто не решал за них.

Что же тогда удивительного в том, что появилась — наконец-то! — группа, которая не ждет, что полиция или какая-нибудь «русская» политическая сила придут и защитят их, а которая решает, иногда неумело, взять свою судьбу в свои собственные руки? Самое удивительное не в том, что такая группа появилась. Самое удивительное, что она появилась только сейчас! Информационно-аналитический центр «СОВА» в материале на сайте «Кавказский узел» характеризует «Черных ястребов» как первую этническую антинационалистическую группу. В этой же статье Семен Чарный подчеркивает, что эта группа искала нацистов и что в цели они не ошиблись.

«Многие ожидали появления «Черных ястребов» или подобных банд. Мы наблюдали за ситуацией два года и даже делали предупреждения, что с ростом количества скинхедов этнические меньшинства также могут объединиться в банды, чтобы оказать им сопротивление», — заявил член Общественной палаты Камильжан Каландаров в интервью англоязычному сайту «Russia Today».

Некоторые, в том числе среди антифашистов, отмечают высокомерие молодых кавказцев и, в частности, «их неприязненное отношение к русским». Чего же ожидать от тех, кто постоянно подвергается нападениям и различного рода дискриминации? Если провести параллели с этническими меньшинствами в других странах, в том числе во Франции, то у молодежи «заметного» происхождения, которая сталкивается с многочисленными

проявлениями дискриминации по отношению к себе, есть два выхода: либо опустить голову и гнуть спину, либо дать отпор. Это может проявляться как в невежливости, преступности и даже бандитизме, так и в борьбе за равные права. Такое поведение типично для поколения, которое отказывается подчиняться своим родителям.

Таким образом, российские антифашисты столкнулись с той же проблемой и с таким же вызовом, как и в других странах (в том числе и во Франции), где это движение — состоящее в основном из белых — практически не имело отношений с молодежью из меньшинств. Нельзя оставить их одних в борьбе с нацистами. Крик «Русские свиньи!» во время нападения на нацистов звучит не очень приятно, но он очень похож на ругательство «Черных пантер» — «White pigs!» и напоминает французский антифашистский лозунг с антирасистских демонстраций: «Иностранцы, не оставляйте нас одних с французами!», который относится в первую очередь к тем, кто использует свой цвет кожи или свою национальность как признак власти и могущества.

Не стоит забывать, что седьмой участник «Черных ястребов», Расул Халилов, был убит нацистами возле своего дома в Москве 3 сентября 2009 года, накануне суда. Нацисты не просто убили «черного», человека «низшей расы»: они целенаправленно убили политического противника, так же как и Тимура Качараву, Ивана Хуторского, Самбу Лампсара, Стаса Маркелова и остальных. Расул Халилов, как бы кто ни относился к акции «Черных ястребов», — антифашистский активист, погибший из-за своей борьбы, и он мог бы тоже находиться в этом списке.

Шестеро других находятся в тюрьме. Выбор, быть ли солидарными с ними или нет, вопрос взаимопомощи — безусловно будет иметь политические последствия в будущем, не только для антифашистского движения, но также для отношений между всеми представителями разных культур, которые живут той же жизнью на той же территории и сталкиваются с теми же проблемами и теми же опасностями. Беспорядки на Манежной площади в декабре 2010 года показали, что этот выбор становится все более неотложным.

Э.Э.

Фильм «Дети Гитлера»

***Я спросила у матери: «Он же ничего не делал евреям?»
И она ответила: «Ну, может, убил нескольких…»
Я спросила: «Что значит нескольких?
Двоих? Или троих? Четверых? Сколько?»
Это слово «нескольких» давало большой простор
для воображения. Но она не ответила.***

(Интервью с Моникой Гёт)

У любого человека есть родители. Мамы и папы. В 2002 году Моника Гёт опубликовала книгу-интервью «Я должна любить своего отца, не так ли?»[1]. Будучи дочерью Амона Гёта, коменданта лагеря Плашув, она прошла свой путь от безусловной кровной любви к отцу до неприятия и ненависти. Насколько противоестественной кажется ненависть к существу, давшему тебе жизнь, настолько закономерным, естественным становится страх, что в тебе течет кровь садиста — убийцы сотен тысяч человек. «Я похожа на отца, — говорит Моника, — многие говорят, что мы похожи, но я…Я не Амон! Между нами нет ничего общего!!!»[2]

В 2011 году на экраны вышел фильм израильского режиссера Ханоха Зееви «Дети Гитлера» — о том, как дети и внуки тех, кто занимал руководящие посты в Третьем Рейхе, распорядились своим «наследством». Это фильм не о Холокосте — он о персональной ответственности любого человека за преступления против человечности. У потомков нацистов нет хвостов, рогов, третьих глаз. Режиссер показывает обычных людей с понятными чувствами и стремлениями. Необычно лишь их обостренное чувство вины и способы решения этой проблемы.

Кульминационным эпизодом фильма становится встреча группы израильских студентов, приехавших на экскурсию в Освенцим, и внуком Рудольфа Хёсса[3] Райнером Хёссом. «В школе меня не брали на экскурсии в Освенцим из-за фамилии. Мне это кажется странным. Почему туда не пускают детей и внуков тех, кто виновен в этих страшных событиях?». Камера беспристрастно фиксирует, как человек среднего возраста Райнер Хёсс встает перед огромной аудиторией, заполненной молодыми людьми. Молчание.

Ханох Зееви

— Зачем вы приехали?

— Зачем я приехал? Чтобы самому увидеть, о чем всю жизнь лгали в моей семье.

— О какой лжи вы говорите?

— В моей семье не говорили правду.

Молчание. Неожиданно поднимается девушка. Она плачет. Пытается справиться с собой и задает вопрос, который, очевидно, хотели бы задать многие, но не задают, потому что пытаются найти в Райнере следы какой-то нечеловеческой аномалии:

— Ваш дед пытал, убивал и издевался. — Плачет. — Он, он пытал, убивал и издевался. Он истребил мою семью. Не боитесь ли вы встречаться с нами?

— Это честь для меня. Я сожалею о том, что случилось с вашей семьей.

— Чтобы вы сделали, если бы сегодня встретили деда?

— Чтобы я сделал? Я бы сам его убил.

Такого ответа ждет аудитория. Именно так и поступают брат и сестра Геринги, когда решают пройти процедуру стерилизации. «Мы решили сделать это сознательно. Когда брату сделали операцию, он сказал, что он сделал это, чтобы прервать род, чтобы в мире больше не было Герингов», — говорит Бет-

тина Геринг.[4] Герман Геринг приходится ей и ее брату всего лишь двоюродным (!) дедушкой. Можно ли говорить о кровной ответственности при таком дальнем родстве?! Да и вообще, какое значение имеет эта пресловутая «кровь»? И можно ли нести ответственность за преступления предков, и нужно ли?

Ответы на эти вопросы получить необходимо, потому что от того, как отвечает на них общество и каждый отдельно взятый человек, зависит возможность повторения и геноцида, и Холокоста, и популярность националистических идей. Отказывая себе в праве на продолжение рода из-за родственника-монстра, потомки как бы разделяют идеологию фашизма, соглашаются с преступной теорией превосходства белой расы, с теорией крови, — хотя, казалось бы, они хотели добиться совершенно иного результата. Искупительная жертва насилия над собой никак не избавляет от чувства вины.

И тогда режиссер показывает другую возможность решения той же проблемы. «Я была совсем молода, когда поняла, с каким наследием придется жить. Тяжело осознавать, что твоя бабушка была нацисткой. Тяжело, потому что мы с ней были очень близки… Я ее очень любила. Восхищалась ею», — говорит Катрин Гиммлер. — «Но я никогда не думала, что в моих генах может остаться дурная кровь Генриха. Если бы я так думала, то разделяла бы эту дурацкую нацистскую теорию, что все зависит от крови». Катрин Гиммлер выша замуж за израильского еврея, сына одного из выживших в Варшавском гетто. Работала врачом, затем получила политологическое образование и начала изучать проблемы расизма и межкультурных коммуникаций. Несмотря на недоумение окружающих и частные вопросы (как возможен такой союз), это обычная семья с радостями, неурядицами и детьми. «Правда, если мы ссоримся, в такие моменты всплывают определенные вопросы и определенные стереотипы. Мы подсознательно виним друг друга, и нас это пугает. Я часто говорила: «При чем здесь я? Это же не я делала». Удивительно, но обвинения шли с обеих сторон в таких ситуациях».

Это фильм о том, что все мы на сегодняшний день — и потомки жертв, и потомки палачей — несем в себе историческую память прошлого и ответственность за будущее, за возможность повторения и невозможность забвения произошедшего, потому что теории и идеология фашизма по-прежнему существует, и любой человек сталкивается с ней — и на уровне политики государства, и на уровне семейных взаимоотношений, и на уровне своего личного, персонального отношения к проблеме.

Это очень хорошее, умное, неспекулятивное кино. «Дети Гитлера». Режиссер Ханох Зееви. 2011 год.

Т.Ч.

[1] **Амон Гёт** — комендант концлагеря Плашув, лично застреливший более 500 человек. 13 марта 1943 года после ликвидации еврейского гетто в Кракове выжившие были отправлены в Плашув, во время переселения погибло около 2000 человек. 3 сентября 1943 года Гёт получил приказ уничтожить гетто в Тарнове, в феврале 1944 года — ликвидировать концентрационный лагерь в Шебни. Твердо верил в то, что евреи должны возмещать расходы по их уничтожению. 11 мая 1942 года отдал приказ еврейскому совету небольшого города Щебжешина уплатить 2 тыс. злотых и 3 килограмма кофе за боеприпасы, потраченные на убийства евреев. Отличался садистскими наклонностями, в том числе натравливал свою собаку на заключенных. Ежедневно мучил и убивал заключенных. Польдек Пфефферберг, один из евреев, спасенных Шиндлером, заявил: «Когда вы видите Гёта, вы видите Смерть». Амон Гёт был казнен 13 сентября 1946 года возле лагеря Плашув. Стал прототипом коменданта лагеря в фильме С. Спилберга «Список Шиндлера».

[2] **Рудольф Хёсс** — комендант Освенцима с момента постройки до 1943 года. Руководил испытаниями на заключенных газа «Циклон Б». После 9 ноября 1943 года пошел на повышение и стал курировать работу всех концлагерей, ввел в большинстве из них для уничтожения заключенных применявшийся в Освенциме газ. 2 апреля 1947 года Польский Высший народный суд приговорил его к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение рядом с крематорием лагеря Аушвиц-1 в Освенциме.

[3] **Герман Геринг** — один из лидеров нацистского режима и ближайший соратник Гитлера. Первый руководитель гестапо. Военным трибуналом в Нюрнберге был приговорен к смертной казни. Совершил самоубийство в камере, приняв капсулу цианида.

[4] **Генрих Гиммлер** — один из главных политических и военных деятелей нацистской Германии, рейхсфюрер СС, рейхсминистр внутренних дел Германии (1943—1945). Второй человек в партии после Гитлера. Покончил жизнь самоубийством.

Законы нашего времени

Государь и сановники размышляли о переменах, происходивших в их век, рассуждали о сущности исправления законов и изыскивали способ, как искуснее повелевать народом. Государь молвил: «Проводить в жизнь законы и заботиться о том, чтобы всем были ясны достоинства правителя, – таков долг сановника. Ныне я хочу изменить законы, дабы добиться образцового правления, но опасаюсь, что Поднебесная осудит меня... Я слышал, что в бедных кварталах селений многие недоумевают над моими нововведениями, а в захолустных школах среди образованных идут горячие споры. Не стоит считаться с осуждением людей нашего века, я не сомневаюсь в успехе своего начинания».
Книга правителя области Шан (Китай, 4 век до н.э.)

С лета 2012 года недавно избранная Государственная дума РФ, видимо, в ответ на сомнения оппозиции в легитимности ее избрания, ударно трудилась и приняла больше законов, чем обычно. При этом целью этих лихорадочно принятых законов было ограничение политических прав и свобод во всех возможных сферах и защита монополии государства на политическую деятельность и распространение информации. Основные изменения касались усиления ответственности участников публичных мероприятий, введения фактической цензуры в сети «Интернет», расширения понятия «государственная измена», а также ухудшения положения правозащитных организаций (закон «об иностранных агентах»).

Первыми нововведениями, принятыми в спешке к «Маршу миллионов» в Москве в июне 2012 года, стали поправки, ужесточающие ответственность за нарушения правил организации и проведения публичных мероприятий и усложняющие порядок подачи уведомлений. «Законодательный марафон» выглядел так: 5 июня поправки были приняты Государственной Думой, 6 июня одобрены Советом Федерации. 8 июня его подписал президент, 9 июня текст поправок уже был опубликовали, 10 июня они вступили в силу. Изменения были внесены в Кодекс об административных правонарушениях (КоАП) и в ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Кроме увеличения размеров штрафов (теперь административный штраф для участников несогласованной акции будет не 500 — 1 000 рублей, как раньше, а 10 000 — 15 000 рублей), поправки предусматривают расширение самого понятия несанкционированного мероприятия — в форме «массового присутствия» граждан, а также лишение права организовывать публичные мероприятия тех, кто привлекался к административнотвой ответственности за связанные с этим нарушения более двух раз в течение года.

Абсурдность поправок была тут же продемонстрирована практикой их первого применения. В одном из регионов решили подавать уведомления строго по новому закону (исходя из принципа «больше трех не собираться», а если и собираться на свой страх и риск — то спрашивать разрешение у органов власти), в результате чего в администрацию поступали уведомления о проведении свадьбы и о походе в магазин за хлебом, в принятии которых было отказано, поскольку мероприятия не имеют политического характера (что по новому закону совсем не очевидно: может, по пути в магазин злоумышленник будет кричать политические лозунги?). Но, помимо таких случаев шутливых провокаций, незамедлительно последовали и вполне реальные задержания. Так, в Санкт-Петербурге в первый же день были задержаны участники ежегодного флэшмоба «Бой подушками», впоследствии осужденные на штрафы в 10 000 — 15 000 рублей. При этом участники и организаторы не преследовали никаких целей, кроме развлечения, а поплатились наравне с участниками политического мероприятия, — такие вот «случайные жертвы» политической ситуации. Но поскольку закон уже принят и действует, то придется флэшмоберам либо искать себе другое занятие, либо копить немалые суммы на штрафы за «массовое присутствие».

Принятия этих поправок предусматривает внесение изменений и в региональные законы, чтобы установить список мест, в которых запрещено проводить мероприятия, и, наоборот, создать специально отведенные места для публичных акций. Многие регионы тут же поспешили принять неоправданно расширенные списки запрещенных мест. Так, в Санкт-Петербурге был составлен проект закона, который запрещает проведение публичных мероприятий, например, на Невском проспекте, на площади Восстания, Исаакиевской площади, Сенатской площади, Суворовском проспекте, рядом с вокзалами, административными зданиями, а Правительство Санкт-Петербурга может определить место, специально отведенное для публичных акций. О неконституционности изменений в октябре 2012 года заявил уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге, предложив общественное обсуждение поправок до их принятия. Но нет почти никаких шансов на то, что здравые мысли будут услышаны. Более того, небезызвестный законодательный «активист» Милонов и тут предложил свои дополнения: депутат предлагает ограничить проведение мероприятий около храмов. Если его инициативу поддержат, то проведение акций будет возможно только с разрешения религиозных организаций.

По сути, все связанные с публичными мероприятиями поправки легализовали сложившуюся практику своеобразного понимания административных органов и полиции своей обязанности по обеспечению права на свободу мирных собраний: они как будто переписаны из самых нелепых полицейских протоколов, отказов чиновников в согласовании мероприятий и предложений митингующим альтернативных мест на окраинах города. Теперь это можно считать в полной мере законным — законным отказом в праве собираться мирно тем, чьи взгляды не нравятся государству.

Приняв «неотложные меры» по защите от самых активных недовольных, законодатели перешли к решению связанных, как им представляется, проблем: распространение «нежелательной» информации в сети «Интернет», происки «шпионов» и деятельность независимых правозащитников.

В целях усиления контроля в информационной сфере были разработаны и приняты изменения в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты РФ по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет», создающий формальные основания фактического введения цензуры. Под предлогом защиты детей от нежелательной информации после вступления поправок в силу (с 1 ноября 2012 года) можно приостанавливать работу практически любого сайта. Такую лицемерную «заботу о детях» в Санкт-Петербурге можно наблюдать по нашумевшему закону «о запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних»: реально закон применяется исключительно против ЛГБТ-активистов и тех, кто выступает за равноправие.

Уже появился сайт, на котором должны размещаться ссылки на «запрещенные» ресурсы. Официально этот сайт называется «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», расположен он по адресу http://zapret-info.gov.ru/. В отличие от уже существующего печально известного списка «экстремистских материалов» (одним из последних его пополнений стали статусы пользователя в одной из социальных сетей, что лишний раз подтверждает нелепость таких реестров), в «черный список» по новому закону могут заноситься сайты даже без решения суда, лишь по решению неких «уполномоченных органов». С 1 ноября действует «временный порядок взаимодействия» с провайдерами хостингов, который предполагает, что провайдеры вправе самостоятельно направлять в Роскомнадзор актуальные сведения для включения в указанную базу данных. К числу запрещенных относятся материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, объявлениями о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера, с информацией о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, местах приобретения таких средств, веществ и их прекурсоров, о способах и местах культивирования наркосодержащих растений; информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства, — в общем, с информацией, от которой решено оградить детей.

Стало известно, что в первый день работы сайта на электронный адрес поступило более 3 000 сообщений о запрещенных сайтах. При этом реально запрещенными были признаны только 6 сайтов.

На фоне такого «успешного» нововведения депутаты высказывали и другие «талантливые» инициативы: например, комитет Госдумы по СМИ, который возглавляет депутат Митрофанов, предлагает ввести обязательное предостав-

ление паспортных данных для регистрации в социальных сетях (разумеется, исключительно в целях борьбы с распространением детской порнографии).

Такие инициативы, несовместимые с принципами и возможностями свободного распространения информации в современном мире, вызывают соответствующую реакцию информационного общества: в СМИ пишут о введении цензуры, интернет-проекты прекращают работу в знак протеста, а наиболее активные недовольные выходит на митинги. Так, в 21 октября 2012 года в Санкт-Петербурге на Марсовом поле состоялся митинг «против вступления в силу поправок о цензуре». Организаторы заявили, что новый закон будет применяться и к оппозиционным ресурсам, особенно в период острых моментов социального напряжения и массовых акций протеста (например таких, которые были после выборов в 2011-2012 гг.). Пикет с похожими требованиями был проведен в этот день в Томске.

Наряду с ограничением политических прав и введением цензуры в сети «Интернет» летом 2012 года были предложены изменения в законодательство о некоммерческих организациях. Несмотря на то, что раньше законодательство об НКО уже было серьезно ужесточено (практически неограниченные возможности проверок, избыточная отчетность, ограничения для участников некоммерческих организаций), теперь законодатели решили ограничить тех, кто выступает за соблюдение прав и свобод человека. Правозащитников, которые получают финансирование из-за рубежа и при этом занимаются «политикой», по новому закону решили объявить «иностранными агентами» и внести в особые списки (при этом заноситься в такие списки НКО должны по собственной инициативе, и для тех, кто придет «с повинной», в последней редакции закона предусмотрены уменьшенные штрафы в случае нарушений). Цель таких действий очевидна: запугать и унизить правозащитников, представить их в глазах общества как «агентов Запада» и «врагов России». При этом российские власти как будто забывают об универсальном характере прав человека, о неограниченности их границами государств, о том, что деятельность правозащитников во всем мире признана особым видом общественной активности, а также подменяют понятия защиты прав человека и политики. По тому определению, которое сформулировано в законе, например, говорить о нарушениях полицией прав задержанных и требовать изменений этой практики — это «политика», попытка влиять на принятие властных решений. Таким образом, фактически отрицается неполитическая защита прав и свобод, а те, кто занимается такой «правозащитной политикой» на иностранные деньги, должны публично признать себя агентами, действующими в интересах иностранных государств.

Окончательно принятые расценки за нарушения новых правил, очевидно, призваны убедить НКО признать себя иностранными агентами «на всякий случай», чтобы не платить в случае чего огромные штрафы: 100 000 — 300 000 рублей для должностных лиц и 300 000 — 500 000 рублей для юридических предусмотрены в тех случаях, если НКО, соответствующая определению «иностранный агент», не состоит в реестре таких организаций, а также если она размещает информацию в интернете без указания своего статуса. Для

НКО, продолжившей работу, несмотря на решение о приостановке ее деятельности, предусмотрен штраф в размере 30 000 — 50 000 рублей для организаторов и 3 000 — 5 000 для участников работы.

Близкими к таким изменениям стали «антишпионские» поправки о расширении понятий государственной тайны и государственной измены. Принят законопроект, который ужесточает наказание за разглашение государственной тайны и вводит уголовную ответственность за незаконное получение составляющей гостайну информации. Шпионажем может быть признана передача сведений не только иностранному государству, но и международным организациям. При этом легко можно представить, что тайны у государства могут быть самые разные, в том числе информация о нарушениях прав и свобод человека на его территории. Так что представление информации о пытках в правоохранительных органах, например, Комитету ООН против пыток может быть представлено как «шпионская деятельность». Такой подход определенно напоминает формулировки советского уголовного права про «контакт с иностранным государством», «измену Родине», — но российских законодателей из Думы шестого созыва такая преемственность, видимо, нисколько не смущает.

Вообще, маниакальное желание запрещать, ужесточать, составлять реестры всего, что только можно, создает ощущение полного хаоса и страха государственной власти от невозможности реально контролировать ситуацию. Законы об ограничении политических прав напоминают попытку власти оградиться от общества, ничего не слышать и не видеть, существовать в созданном репрессиями и запретами политическом вакууме. Опасность и ошибочность такого подхода очевидна: законы должны и могут быть результатом общественного взаимодействия, коммуникации, а не средством укрепления или удержания власти. То, что принимает сейчас российская законодательная власть, — банальная борьба с оппозицией, дискредитирующая и без того беспомощную правовую систему РФ.

Право на свободу собраний, выражения мнения, свободу получения и распространения информации, право на защиту, — все эти права не часть «законодательных планов» и регламентов их реализации, в чем, по всей видимости, уверены российские законодатели, а правовая реальность современного мирового сообщества, которой должны соответствовать законы государства. Если этого не происходит, то, значит, законы принимаются «не по назначению»: не отражают социальную реальность, а помогают защититься и оградиться от нее. В этом случае деятельность депутатов становится злоупотреблением служебными полномочиями, а принятые законы относятся к праву не больше, чем публикации в желтой прессе — к журналистике.

Но самое страшное, что жертвами таких злоупотреблений и «нулевых законов» в наше время становятся все больше и больше реальных людей...

А.Н.

«Нашим детям — секс не нужен»?

Предмет «Этика и психология семейной жизни» появился в школах лишь в конце 1980-х годов. Конечно, этот предмет не имел ничего общего с тем, что было заявлено в его названии. В нем все сводилось к тому, как нужно строить коммунистическую семью на основе коммунистических идеалов в коммунистической стране. До низменных объяснений предназначения человеческих гениталий этот урок, введенный в тогдашних старших классах (с 8-го по 10-й) позволить себе опуститься никак не мог.

С началом перестройки мощный импульс получают психология и сексология. Рушится железный занавес. В школы и педагогические вузы потоком устремляются гуманистические идеи в сфере образования, в том числе напрямую затрагивающие вопросы брака, отношения полов, развития мальчиков и девочек. Разрабатываются интересные курсы, программы. В это время знаковой фигурой становится Игорь Семенович Кон, знаменитый философ и психолог, энтузиаст просвещения. Он доказывал на научной основе педагогам страны значение своевременной и грамотной передачи неискаженных знаний о половом развитии быстро взрослеющим мальчикам и девочкам.

От перестройки все ждали перемен, и действительно многое изменилось — в частности, в сфере гуманизации воспитания подрастающего поколения. Во многих отраслях гуманитарных знаний к этому времени возник самый настоящий познавательный голод. Возник он и в научно-популярной сексологии.

Сексология — наука о гармонии человеческого бытия мужчины и женщины и о причинах, ее разрушающих. Сексология оперирует такими понятиями, как мужчина и женщина, развитие и идентичность, отношения и любовь, интимность и опыт, брачный союз и продолжение рода. Основы сексологических знаний на популярном уровне крайне необходимы стремительно взрослеющему человеческому детенышу, причем в разное время и разной сложности. Ответы на такие вопросы, как «Почему я мальчик, а она девочка?», «Зачем тети и дяди целуются?», «Откуда берутся дети?», «Что такое любовь?», — составляют образовательный каркас сексуального просвещения. Ведь в советское время многие благовоспитанные пай-мальчики всерьез верили в детородную функцию аиста, приносящего маленького братика или сестренку. Верили до тех пор, пока в один прекрасный день где-нибудь в подворотне подросток-ху-

лиган в циничной форме не ввергал таких детишек в шок информацией о том, что на самом деле делают их папы и мамы ночью в постели. И еще больше ребят остро нуждались в ответах на вопросы, связанные с интимной тематикой, которые они так никогда и не задали своим папам и мамам из-за ложного стыда и застенчивости. Не задали потому, что считали эти вопросы неприличными, думали, что их в принципе задавать нельзя.

Поэтому все надежды возлагались на то, что новое общество подарит, наконец, подросткам и молодежи настоящую, всероссийскую, профессионально подготовленную систему сексуального просвещения — просвещения в смысле дальнейшего приобщения их к мировой культуре познания союза Души и Тела, начало которому было положено еще в античные времена.

Девяностые годы и начало нулевых во многом оправдали эти ожидания. Много чего интересного было задумано и предложено. Например, на стыке медицины и педагогики появилась новая наука об основах воспитания здорового человека — валеология. Ее разработчики предложили для дополнительного школьного образования свои программы, которые в итоге были названы «программами полового воспитания старшеклассников».

В свою очередь, блестящая плеяда молодых прогрессивных психологов возрождали для школьного просвещения на новом научном уровне гуманитарного познания забытый предмет «Этика и психология семейной жизни». Богатый международный опыт по-следовательного и дифференцированного по возрасту сексуального просвещения творчески отразился в нашем городе созданием целой сети молодежных консультаций при районных детских поликлиниках, по образцу аналогичных учреждений в Скандинавии и Англии. Первоначально в них все желающие подростки получали не только бесплатную и анонимную помощь в связи с интимными проблемами, но и участвовали регулярно в работе групп профилактики, например, в контексте безопасности межличностных и интимных сексуальных отношений.

Однако все стало меняться с началом третьего тысячелетия. Вначале появились одиночные тихие, а потом и массовые громкие голоса возмущенных граждан: «Кто придумал это половое просвещение? Зачем копировать западный опыт? Нет ювенальной юстиции! Не позволим вторгаться в российскую семью!» В конце нулевых это возмущение сменилось яростным озлоблением. В дело включились СМИ. Появились многочисленные ратующие за «безопасность детей» журналисты и политики, «правильные родители». Наконец, на защиту «развращаемого» (кем?) детства выступили люди, именующими себя «истинно православными» и «патриотами».

Началась кампания травли просветителей. Я с ужасом вспоминаю телевизионную передачу, которая напомнила мне средневековое судилище: настоящая расправа свершалась над организаторами и исполнителями программы по половому воспитанию школьников, которая реализовалась в ряде школ одного российского города. Несчастными «подсудимыми» были сексуальные просветители и отдел образования, а в роли обвинителей, судей и прокуроров выступала «пострадавшая общественность» в лице родителей и «местных правозащитников». Они жаждали крови. Они требовали не только навсегда запретить в их городе подобные «крамольные» вещи, но и привлечь к уголовной ответственности всю эту «банду растлителей». Один отец пытался обвинить психологов и педагогов в приобщении подростков к порнографии. Обвиняемых никто не хотел слушать, им затыкали рот. Их научно-методические доводы и авторитетные рецензии в пользу обсуждаемой программы игнорировались. Адвокатов у обвиняемых не было. В конце передачи некая представительница Государственной Думы так прямо и заявила: «Нашим детям секс не нужен. Нашим детям нужна нравственность!». Аудитория поддержала ее дружными и продолжительными аплодисментами.

Кстати, в нашем родном городе главное лицо в сфере образования в своем первом интервью накануне нового учебного года официально заявила, что система образования в Санкт-Петербурге не нуждается в программах по половому воспитанию. Это, дескать, не функция школы: юные петербуржцы сами, если захотят, смогут просветиться через ин-тернет, сейчас такая эпоха. Так и хочется сказать: эпоха отката под девизом «Назад, к самообразованию».

Вот, собственно, и вся история. Официального запрета на сексуальное просвещение нет, но оно куда-то исчезло. Попрощаемся с ним, а заодно и с надеждами, которые с ним связывались. Хоть и грустно, но такова реальность. Когда-то мы так же попрощались с генетикой, психоанализом, социологией и психологией личности.

И.С.

NAZIWIKI.ORG

Цель проекта — создание коллективно пополняемой базы данных о нацистах, националистах, расистах и тех официальных лицах и организаций, которые считают допустимыми сотрудничество с ними.

Идея проекта родилась из простого наблюдения: многие люди антифашистских взглядов с интересом изучают информацию про националистов, но лишь немногие находят эффективный способ поделиться своими знаниями с обществом. У этой проблемы существует множество причин, но одна из основных — это отсутствие удобного инструмента для обмена информацией. На наш взгляд, вики-платформа (та, на которой работает всем известная wikipedia) может статья хорошим решением этой проблемы.

В первую очередь, вики — отличный инструмент коллективный работы над текстами, в особенности если авторы не знакомы друг с другом. Это позволяет сделать проект открытым для всех желающих. В то же время, механизм работы вики позволяет эффективно бороться с вандализмом: вики записывает каждую версию каждой страницы — если кто-то пытается сознательно испортить статью — всего парой кликов ее можно откатить к предыдущему варианту.

Во-вторых, в отличие от блогов и платформ ориентированных на новости, вики предназначена для создания баз данных. Это означает, что статья не уйдет в архив, где ее придется долго искать, и вам не обязательно сразу же создавать полноценный и всеобъемлющий материал — достаточно просто зафиксировать новую информацию. Пусть это будет всего лишь абзац из нескольких строк, впоследствии, вы или кто-то другой может с легкостью отредактировать и дополнить его новыми данными, и ваш скромный вклад вырастет в полноценную статью.

19 ЯНВАРЯ
19jan.ru
ПРОТИВ ФАШИЗМА!
ЗА СВОБОДУ!
AZADLIQ BƏLİ!
ФАШИЗМГА ҚАРШИ!
FAŞIZM YOXDUR!
ЗА ВОЛЮ!
СУПРАЦЬ ФАШЫЗМУ!
ФАШИЗМГЕ ҚАРСЫ
ПРОТИ ФАШИЗМУ!
AZATLYGA HOWA DIYELI!
TRU LIBERTATE!
FAŞIZMA YOK!
БА ОЗОДИ!
БАР ЗИДДИ ФАШИЗ
ФАШИЗМГЕ ҚАРШЫ!
АЗАТТЫҚ ҮШІН!